

БОРИС КРИГЕР

ДРЕЙФ
ИДЕНТИЧНОСТИ
И ДИНАМИКА
БЫТИЯ

ALTASPERA

© 2026 Борис Кригер

Все права защищены. Никакая часть данной публикации не может быть воспроизведена или передана в какой-либо форме или каким-либо способом, электронным или механическим, включая фотокопирование, запись или любую систему хранения и поиска информации, без письменного разрешения владельца авторских прав и издателя.

Запросы на разрешение копирования любой части этой работы следует направлять по электронной почте на адрес krigerbruce@gmail.com.

Опубликовано издательством Altaspera Publishing .

Борис Кригер — междисциплинарный философ, занимающийся вопросом о том, как разрозненные области знаний могут быть объединены в целостное видение человеческого существования. В своих работах он стремится преодолеть разделение философии и науки, этики и политики, индивидуального опыта и коллективных структур. Объединяя идеи экзистенциализма, социальной теории, когнитивной науки и технологических исследований, он разрабатывает способ мышления, который не является ни редукционистским, ни утопическим, а открыт сложности современного мира.

Дрейф идентичности и динамика бытия

Книга предлагает радикальное переосмысление того, что значит быть «я» в мире, формируемом непрерывными изменениями, сложностью взаимоотношений и растворением фиксированных категорий. Отвергая эссенциалистские модели идентичности и терапевтические нарративы самопознания, книга представляет структурное описание самосознания как *закономерного процесса* — не чего-то, чем обладают, а чего-то, что выводится, конструируется и поддерживается посредством динамической согласованности во времени.

Опираясь на теорию систем, психоаналитические идеи, философскую процессуальную теорию и формальные модели адаптивного поведения, *книга «Текущее Я»* исследует, как идентичность возникает, сохраняется и растворяется в меняющихся контекстах, никогда не становясь статичной. В ней утверждается, что то, что мы называем «Я», — это не ядро, которое нужно сохранять, а траектория, которую нужно понимать, — модель движения, формируемая ограничениями, ролями, памятью и взаимосвязями.

В девяти главах и обстоятельном послесловии книга переосмысливает стабильность как временное достижение, а не как нечто само собой разумеющееся, исследует структурные основы выгорания, межличностных конфликтов и экзистенциальной тревоги, а также бросает вызов требованию подлинности в мире, где неизбежен дрейф. В ней предлагается Закон процессуальной *идентичности* . как способ осмысления логики изменений, и рассматривает коэволюцию с интеллектуальными системами одновременно как вызов и как отражение человеческой неидентичности.

Ключевые слова

Идентичность, дрейф, согласованность, процесс, трансформация, структура, непрерывность.

Содержание

Предисловие — Почему необходимо переосмыслить понятие идентичности	4
Глава первая: Миф о стабильном «я»	18
Глава вторая: Почему перемены причиняют больше боли, чем крах	31
Глава третья: Идентичность как умозаключение, а не как субстанция	46
Глава четвёртая: Объяснение закона процессуального тождества	62
Глава пятая: Лакан, Делёз и структурное нетождество	77
Глава шестая: Жизнь без гарантий самоидентификации	91
Глава седьмая: Аттракторы, ограничения и самопроектирование	105
Глава восьмая: Любовь, работа и преданность в условиях нестабильного «я»	119
Глава девятая: Идентичность в эпоху искусственного интеллекта и непрерывных изменений	134
Послесловие — Продолжать, а не оставаться	151
Приложение А	161
Ссылки	206

ПРЕДИСЛОВИЕ. ПОЧЕМУ НЕОБХОДИМО ПЕРЕОСМЫСЛИТЬ ПОНЯТИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ.

Современная жизнь пронизана стремлением к самоопределению. Под знаменами подлинности, цели и личной правды скрывается незримое желание: быть кем-то, оставаться кем-то и, прежде всего, оставаться самим собой стабильным, поддающимся определению и непрерывным образом. В социальных ритуалах и технологических архитектурах идентичность рассматривается не как процесс, а как продукт — нечто, что нужно открывать, утверждать, сохранять и демонстрировать. Однако чем настойчивее стремятся к этой стабильности, тем более хрупкой она становится. Культурная одержимость стабильным «я» не приносит ясности или покоя. Она порождает тревогу. Не потому, что люди потеряли себя, а потому, что от них требуют найти постоянство в том, что никогда не было статичным.

Эта одержимость проистекает из более глубокой концептуальной ошибки: трактовки идентичности как

фиксированной сущности, а не как динамической конфигурации. Культура, образование, даже личные истории предлагают образ внутреннего «я» — подлинного, уникального, ожидающего своего открытия или подтверждения. Но в этом образе скрывается невыполнимое требование: оставаться самим собой во времени, во время перемен, во время противоречий. Страх потерять себя — это не психологическая слабость. Это концептуальная путаница. Она предполагает наличие чего-то неизменного, что можно потерять. Но идентичность, как она проживается и структурируется, не подчиняется законам постоянства. Она течет.

Эта книга исходит из этого потока — не как метафора, а как фундамент. Она не стремится предложить утешение через заверения. Она не защищает целостность эго и не патологизирует его распад. Она движется в другом направлении. Опираясь на две предыдущие работы — «*Индивидуальная Вселенная*» и «*Закон процессуальной идентичности*» — эта книга входит в пространство, где «я» перестает быть

загадкой, которую нужно разгадать, и становится структурой, которую нужно описать.

Индивидуальная Вселенная заложила основу для эмпирического опыта. Она рассматривала идентичность не как метафизическую сущность, а как структуру памяти, воплощения и взаимоотношений — хрупкую, отзывчивую и постоянно перестраиваемую. Она разрушила мифы об уникальности и автономии, пронизывающие личную и культурную жизнь. Там «я» предстало не как постоянный свидетель, стоящий за опытом, а как ритмичное слияние восприятия, языка и мира. Идентичность перестала быть достоянием или истиной, которую нужно раскрыть, она стала представляться как способ бытия-в - контакте: изменчивое событие, формируемое временем и взаимодействием.

Однако это понимание, хотя и основано на опыте, требовало структурной формулировки. Формальная основа данной книги опирается на «*Закон процессуальной идентичности*», в котором

разработано строгое описание идентичности как выводимого явления в рамках развивающихся систем. Вместо вопроса о том, что такое «я», авторы задаются вопросом о том, как выводится идентичность. В системах, управляемых непрерывными изменениями и не имеющих инвариантных идентификаторов, стабильность является не нормой, а исключением. Идентичность становится не субстанцией, сохраняющейся во времени, а временной согласованностью — паттерном, стабилизированным обратной связью, ограничениями или нарративной привязкой. Когда эти ограничения меняются, меняется и идентичность. Страх дрейфа возникает только тогда, когда человек цепляется за категории, предназначенные для статичных объектов, а не для систем в движении.

Эта книга исходит из слияния двух регистров — жизненного и структурного. Она не выступает против «я» и не сводит его к набору диагностических признаков или эмоциональных состояний. Вместо этого она настаивает на том, что «я» должно

пониматься в терминах, которые уважают как его феноменологическую сложность, так и его системную природу. «Я» — это не заблуждение. Но оно не то, чем его представляли. Оно не находится внутри тела или за глазами. Его нельзя сохранить в чистоте или восстановить в одиночестве. Это ни ложь, ни правда. Это процесс.

Переход от экзистенциального утешения к структурному пониманию не означает лишение жизни смысла. Он означает обнаружение смысла там, где он действительно возникает: в закономерностях, в контекстах, в реакциях. Утешение требует постоянства; структура раскрывает случайность. Первое утешает лишь временно и часто ценой больших жертв. Второе открывает пространство для осознания — осознания того, что перемены — это не неудача, противоречие — не слабость, а разрушение прежнего «я» — это не крах . Это переход.

То, что раньше называли «потерей себя», в этом новом ракурсе — не разрушение, а перестройка. Это кажется

дезориентирующим только тогда, когда смотришь на это сквозь призму ожиданий неизменности. Но как только эти ожидания отбрасываются, остается не пустота, а движение. «Я», которое, казалось, растворилось, никогда не было единством, а созвездием фрагментарных воспоминаний, заимствованных языков и временных желаний. Это созвездие меняется, как и должно быть. Идентичность при этом не стирается. Она выражается.

Эта книга не предлагает путеводителя к обретению целостности. Она не защищает самосознание и не оплакивает его нестабильность. Вместо этого она переосмысливает идентичность как динамический процесс, подчиняющийся законам, как закономерное развитие внутри систем, которые не сохраняют сущность, а направляют переход. В результате получается не статичная модель того, кто ты есть, а непрерывная грамматика того, как ты становишься.

Освободившись от бремени невыполнимой задачи оставаться идентичным самому себе, субъект может

начать жить в изменчивости опыта без стыда. Это не философское излишество. Это необходимый реализм. Переосмысление идентичности — это не роскошь размышления, а ответ на растущее напряжение между унаследованными представлениями о себе и реальными условиями становления в современной жизни.

Жить без стабильного «я» не значит дрейфовать без якоря. Это значит признавать, что сами якоря смещаются, что ориентация всегда восстанавливается, но никогда не бывает окончательной. Идентичность — это не сохранение формы, а способность адаптировать форму к контексту. Это функция реакции, а не доказательство существования. То, что когда-то искалось по сути, теперь можно найти в процессе: не в том, чтобы быть кем-то, а в том, чтобы двигаться по миру с целостностью, которая проживается, а не приобретает.

Этот сдвиг — от стабильности к дрейфу, от сущности к конфигурации — не является стиранием. Это

возвращение. Возвращение к тем условиям, в которых жизнь действительно разворачивается. «Текущее Я» — это не аргумент в пользу фрагментации. Это признание закономерности без постоянства, порядка без жесткости, самости без фикции «я». Это книга не ответов, а ориентиров — способа жить в отсутствие фиксированной основы, не падая.

Таким образом, переосмысление идентичности означает создание пространства для нового типа присутствия: присутствия, которое не сопротивляется переменам, а понимает их. Присутствия, которое измеряет целостность не по сходству, а по отзывчивости. Присутствия, которое не боится потерь, потому что больше не стремится к обладанию. В этом пространстве вопрос о том, кто ты есть, становится менее актуальным, чем вопрос о том, как ты формируешься сейчас — и как это формирование может открыть путь к более честному, менее обремененному образу жизни.

Эта книга не присоединяется к хору голосов, предлагающих методы самовосстановления или руководство к внутренней гармонии. Она не стремится успокоить, исцелить или мотивировать. Она не утверждает, что смысл можно восстановить посредством утверждения или что ясность придет, если найти скрытую истину внутри себя. Здесь нет обещания баланса, нет пути к очищению себя. Такие подходы, какими бы искренними они ни были, как правило, укрепляют те самые предположения, которые порождают путаницу, которую они стремятся разрешить. Язык совершенствования по-прежнему предполагает фиксированный стандарт. Дискурс подлинности по-прежнему подразумевает первоначальную форму, к которой нужно вернуться. В отличие от этого, эта работа не говорит на языке исцеления. Она начинается с отказа: отказа рассматривать идентичность как проблему, которую нужно решить путем перестройки в соответствии с самим собой.

Рассматриваемая здесь область не относится к самопомощи. Она относится к структуре. Главный тезис не духовный и не эмоциональный, а системный. Идентичность — это не вопрос подлинности; это вопрос динамики. Кризис, часто описываемый как личный — чувство потерянности, раздробленности, непоследовательности — не является свидетельством психологической неудачи или морального дрейфа. Это ожидаемое поведение систем, которые не сохраняют внутренние инварианты во времени. Испытывать нестабильность в собственном самосознании — это не значит потерять целостность. Это значит столкнуться с фундаментальными условиями бытия в системах, управляемых изменчивостью, отзывчивостью и переменами.

Чтобы сделать это понятным, книга намеренно переходит от философских размышлений к формальному описанию. При этом она использует язык математики — не для того, чтобы свести идентичность к абстракции, а для того, чтобы прояснить то, что уже пережито. Математические

модели не стирают богатство опыта; они предоставляют инструменты для понимания его формы. Использование теории динамических систем, теории информации и логики вывода — это не отступление в теорию, а попытка точно обозначить то, что тихо и неуклонно разворачивается под личными повествованиями. Там, где пережитый опыт становится подавляющим или непрозрачным, структура может восстановить ясность — не путем упрощения, а путем демонстрации того, как сложность подчиняется закономерным закономерностям.

В рамках этих моделей понятие дрейфа приобретает новое значение. Оно перестает быть симптомом. Оно становится принципом. Дрейф не указывает на повреждение, отклонение или беспорядок. Он обозначает общее поведение систем без фиксированных центров. Подобно тому, как реки текут не к идентичности, а по путям, сформированным рельефом местности, так и идентичность возникает как временная стабилизация сил, а не как внутренняя

истина, стремящаяся к выражению. Стабильность, когда она появляется, не является результатом открытия себя. Это эффект ограничений — нарратива, памяти, обратной связи, окружающей среды. Когда эти ограничения ослабевают, идентичность дрейфует. Это не патология. Это структура.

Такой подход к идентичности также является ответом на более широкую трансформацию условий человеческой жизни. Появление искусственного интеллекта, распространение адаптивных систем и ускоряющаяся нестабильность социальной и технологической среды — всё это способствует созданию ландшафта, в котором стабильность становится редкостью. Человеческая идентичность, некогда привязанная к ролям, местам и ритмам, всё чаще формируется системами, предназначенными для обучения, изменений и оптимизации. В таком контексте модель «я» как целостного, устойчивого агента становится сложнее поддерживать — не только с философской, но и с функциональной точки зрения. Искусственный интеллект не воспроизводит «я», но

отражает его структуру: оба являются системами вывода, адаптирующимися со временем, извлекающими целостность из закономерностей, а не из сущности.

По мере того как мир меняется, меняются и рамки, используемые для описания самосознания. Вопрос «Кто я?» предполагает наличие единственного ответа, скрытого или забытого, который необходимо восстановить. Но если идентичность — это не бытие, а становление, не происхождение, а траектория, то на его место должен прийти другой вопрос. Не «Кто я?», а «В каком процессе я нахожусь?» Не «Что я в себе содержу?», а «Как я формируюсь?» Этот сдвиг в исследовании не является косметическим. Он категоричен. Он полностью меняет ландшафт — от поиска идентичности к изучению закономерностей, от утверждения бытия к наблюдению за движением.

Читателю здесь не предлагается заново открыть себя. Ему предлагается проследить логику своего развития. Заметить, как целостность возникает не из

постоянства, а из ограничений. Наблюдать, как «я» формируется, растворяется и переформируется, ни разу не возвращаясь к фиксированной точке. Это не потеря. Это описание. Это также, возможно, своего рода освобождение: не в беспорядок, а в более точную форму честности. Жить, не цепляясь за идентичность, — значит не исчезнуть. Это значит быть более точно тем, чем ты уже являешься — потоком, откликом, процессом, который не начался и не закончится там, где ему когда-то было велено оставаться.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. МИФ О СТАБИЛЬНОМ «Я».

Призыв «будь собой», столь непринужденно произносимый и повсеместно признанный, на первый взгляд кажется жестом свободы. Он обещает подлинность, самовыражение и ясность целей. Он льстит субъекту, предполагая, что под масками уже существует «ты» — целостное «я», ожидающее раскрытия и утверждения. Однако этот императив скрывает тихую жестокость. Под языком поощрения скрывается структура контроля. Приглашение быть собой быстро превращается в требование, а прославление различий трансформируется в механизм слежки. Свобода быть уникальным становится обязанностью оставаться последовательным.

С раннего детства идентичность — это не просто то, что человек открывает для себя, а то, чего ждут другие. В тот момент, когда ребенок проявляет склонность, интерес, определенную форму речи или жеста, это отмечается и запоминается. Эти следы накапливаются, формируя первые очертания имени,

типажа, личности. Родители, учителя, сверстники начинают говорить так, как будто эта совокупность привычек является сущностью. Позже общество подкрепляет это повторением и поощрением. От человека ожидают не только самовыражения, но и предсказуемого поведения. Таким образом, идентичность становится не пространством для движения, а набором координат, в рамках которых необходимо оставаться. И выход за их пределы, противоречие своему прежнему «я», становится не моментом роста, а угрозой для целостности.

Моральный аспект этой согласованности редко обсуждается, но всегда присутствует. Субъект, который меняется — кто меняет убеждения, настроение, жесты, тон — помечается как ненадежный. Тех, кто слишком часто переосмысливает себя, не считают развивающимися; их подозревают в предательстве. Изменения порождают вопросы: об искренности, о верности, о правдивости. Невысказанный идеал — это постоянство во времени, даже когда само время

трансформирует все условия. Идентичность не может быть изменчивой — ее нужно сохранять, оберегать, делать стабильной. То, что начинается как личное путешествие, превращается в моральное испытание. Человек больше не просто живет. Он находится под пристальным вниманием.

В такой системе координат стыд становится естественной реакцией на перемены. Не потому, что перемены сами по себе постыдны, а потому, что перемены воспринимаются как противоречие, а противоречие приравнивается к лжи. Человек, который когда-то говорил с уверенностью, теперь сомневается; человек, который когда-то желал одного пути, теперь идет по другому. Эти изменения, вместо того чтобы восприниматься как признаки осознания, внутренне переживаются как неудачи. Внутренний голос говорит: «Ты раньше верил. Ты раньше знал. Ты раньше был». Настоящий момент, полный двусмысленности, принижается по сравнению с предполагаемой ясностью прошлого. В этой логике

будущее должно быть похоже на прошлое, иначе «я» рискует потерять свою легитимность.

Биографии, особенно написанные с ретроспективной связностью, способствуют этой иллюзии. Структура жизненной истории — введение, поворотный момент, развязка — создает впечатление, что жизнь имеет повествовательную дугу, что личность следует определенной линии. В этой дуге каждое событие подтверждает то, что уже становилось правдой. Даже потрясения вплетаются в повествование как моменты обучения. Эффект убедителен: создается ощущение, будто личность всегда стремилась к себе. Но это не структура опыта. Это грамматика повествования, навязанная ему. Жизнь Прожитая жизнь полна разрывов, противоречий, забытых отклонений от курса, моментов, которые никуда не привели. В повествовании же все это стирается в пользу непрерывности.

Эта преемственность дополнительно поддерживается памятью, но память — это не зеркало. Это инструмент

отбора и перекомпозиции . Человек не помнит прошлое таким, каким оно было; он реконструирует его в соответствии с потребностями настоящего. Образы редактируются, голоса смягчаются, события перестраиваются. Непоследовательность реального времени заменяется согласованностью времени воспоминаний. В этом акте память не просто фиксирует идентичность — она её фабрикует. Она создаёт впечатление, что человек, вспоминая прошлое, всегда был таким, какой он есть сейчас, хотя сами воспоминания менялись с каждым воспоминанием.

В результате возникает «я», которое кажется непрерывным, но таковым не является. Это фикция, необходимая для социальной функции, для нарративного комфорта, для психологической ориентации. Но когда эта фикция затвердевает в моральное требование, она становится насильственной. Она отрицает право людей отклоняться от нормы, забывать, противоречить. Она наказывает тех, чья жизнь отказывается принимать

какую-либо форму. При этом она путает стабильность с истиной и наделяет позором того, кто сбивается с пути.

Но самость постоянно колеблется. Всегда. Не потому, что она слаба, а потому, что она живёт. Она меняется в новых условиях, адаптируется к новым ритмам, говорит на новых языках, когда старые теряют свою актуальность. Она оплакивает старые убеждения и формирует новые, чтобы снова отбросить их. Это движение — не недостаток. Это признак системы в процессе развития, реагирующей на окружающий мир, интегрирующей его изменения. Ожидать стабильности от такой системы — значит неправильно понимать её природу. Требовать её — значит неправильно применять этику согласованности к реалиям жизни.

Миф о стабильном «я» сохраняется, потому что он избавляет от неопределенности. Но это избавление достигается ценой честности. Он требует от человека отказаться от своих изменений, представлять только

то, что подтверждает воображаемую сущность, рассказывать истории, которые сглаживают диссонанс становления. Эта книга исходит из другой предпосылки: что «я» — это не форма, которую нужно поддерживать, а процесс, за которым нужно наблюдать. Что вопрос не в том, «Как мне остаться тем, кто я есть?», а в том, «Как я меняюсь, и что эти изменения раскрывают?». Когда идентичность освобождается от бремени непрерывности, она становится способной описывать то, что происходит на самом деле : движение, сдвиг и возникновение — не отклонение от «я», а участие в потоке, который всегда существовал.

Социальная жизнь, хотя и насыщена образами свободы и самовыражения, в своей основе зависит от экономики признания. Каждый человек не только виден, но и интерпретируется, не только именуется, но и помещается в определённое место. Жест становится чертой характера, повторение — ролью, и со временем человек воспринимается как структура — определённая, ожидаемая, предсказуемая. Признание

не просто отражает идентичность; оно стабилизирует и ограничивает её. То, что начинается как выражение, превращается в функцию. Художник становится «творцом», слушатель — «эмпатом», критик — «сложным человеком». Эти роли, хотя иногда и лестные, служат своего рода завершением. Они запирают текучесть в образе, затрудняя движение без ощущения непоследовательности.

В такой ситуации каждая попытка самопротиворечия сопряжена с риском. Человек не просто действует иначе; он нарушает ожидания, которые сложились вокруг него. Страх перед противоречием не только внутренний — он носит межличностный характер. Он нарушает сеть договоренностей, которые делают взаимодействие плавным, а коммуникацию эффективной. Изменения, особенно видимые, заставляют навлекать на себя подозрения. Они порождают вопросы, исходящие не из любопытства, а из сомнения: «Что с тобой случилось?», «Разве не ты сказал...?», «Это действительно ты?» Как будто

необходимо обеспечить согласованность. Как будто развитие — это предательство.

Однако этот страх затрагивает более глубокие аспекты, чем просто правила этикета. Он касается чего-то экзистенциального. Противоречия внутри собственной жизни ощущаются как разрыв смысла. Если когда-то личность определялась одним набором убеждений, а теперь действует вопреки им, то что же это за личность? Была ли она ложной? Является ли нынешняя личность более истинной? Линия повествования изгибается, и в этом изгибе идентичность чувствует себя под угрозой. Это не просто дискомфорт. Это своего рода онтологическая паника: если я непоследователен, то кто я? Если я изменился, то кем я был раньше?

И все же то, что называют стабильностью, часто представляет собой не что иное, как внешнее повторение паттернов в привычных условиях. Это ощущается как безопасность, но его структура хрупка. Она зависит от постоянства окружающей

среды, от взаимного признания, от внутреннего подавления. В тот момент, когда эти структуры меняются — когда заканчивается карьера, когда рушатся отношения, когда человек сталкивается с болезнью или изоляцией — эта кажущаяся стабильность рушится. Не потому, что личность была повреждена, а потому, что поддерживаемая версия личности больше не имеет опоры. Каркас разрушается, и в результате происходит не разрушение, а возвращение к процессу — перестройка.

Распространенные в популярном дискурсе представления об аутентичности лишь усиливают эту хрупкость. Они подразумевают, что под этими изменениями скрывается «настоящее ты» — некое ядро, которое нужно найти, утвердить и которому нужно следовать. Но эти истории, хотя и утешительные, построены на отрицании трансформации. Они предлагают шаблон, а не истину. Они рассказывают об открытии, а не о раскрытии. И когда личность перестает соответствовать прежнему

образу, эти нарративы обращаются против того самого субъекта, которого они должны были освободить. Трансформация становится предательством. Переосмысление воспринимается как отрицание. Личность становится пленницей своей прежней формулировки.

Эта внутренняя фиксация не безобидна. Это тихая архитектура истощения. Многие вступают во взрослую жизнь, выполнив возложенные на них ожидания — преуспев в ролях, сыграв свои роли, сохранив последовательность, — и все же чувствуют себя отчужденными от самих себя. Не потому, что они потерпели неудачу, а потому, что преуспели в системе, которая требовала согласованности, а не жизненной силы. Результатом часто является тонкий распад: выгорание, апатия, кризис среднего возраста. Это не индивидуальные сбои; это структурные последствия модели идентичности, которая ценит повторение больше, чем отзывчивость. Душа не исчезает — она замолкает под давлением необходимости оставаться понятной.

Ожидание стабильности не является органической чертой человеческой жизни. Оно импортируется — заимствуется из моделей статических систем, машин, кодов, архивов. Эти системы созданы для сохранения состояния во времени, для сохранения функциональности только за счет инвариантности. Но человеческая идентичность функционирует иначе. Она не предназначена для стагнации. Это эмергентный процесс, состоящий из чувствительных ко времени входных данных, переменных ограничений и рекурсивной обратной связи. Рассматривать её как замкнутую сущность — значит полностью неверно понимать её природу.

Таким образом, задача состоит не в том, чтобы вернуть себе стабильное «я», а в том, чтобы выйти за пределы желания его обрести. Не к хаосу, а к другому виду порядка — порядку становления. Эта книга не предлагает новую идентичность для принятия или новый путь к целостности. Она готовит к чему-то иному: к несубстанциалистскому подходу, в котором «я» не предполагается, а ему позволено

формироваться. Она не спрашивает: «Кто ты на самом деле?», а скорее: «Что сформировало тебя, и что формирует тебя сейчас?». Она приглашает читателя прожить переходы, противоречия, движения, не нуждаясь в том, чтобы свести их к окончательной форме.

Такой подход к идентичности означает отказ от мифологии возвращения — убеждения, что нужно вернуться к себе, заново открыть себя, оставаться верным себе. Вместо этого, это означает понимание того, что возвращаться не к чему, а лишь к полю формирования, которое никогда не прекращается. И в этом поле истина находится не в неизменности, а в отзывчивости, не в чистоте, а в процессе. «Я» — это не то, чем нужно обладать. Это то, в чём нужно участвовать.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПОЧЕМУ ПЕРЕМЕНЫ ПРИЧИНЯЮТ БОЛЬШЕ БОЛИ, ЧЕМ КРАХ.

Внезапный крах — резкий, видимый и безошибочный — несёт в себе странную ясность. В моменты краха старые структуры быстро рушатся, мир перестраивается вокруг произошедшего, и смысл, каким бы болезненным он ни был, обретает новую направленность. Человек, потерявший всё в одно мгновение, может испытывать огромные страдания, но эти страдания имеют своё место. У них есть причина, название, история. Время чётко разделяется на «до» и «после». И хотя будущее может быть неопределённым, сам разрыв даёт своего рода уверенность: что-то закончилось. Теперь должно начаться что-то другое.

Гораздо более дезориентирующим является опыт медленных перемен — перемен, которые происходят не через драматические события, а постепенно, по стечению обстоятельств. Здесь ни один момент не отмечает переломного момента, и все же привычное

постепенно сменяется неузнаваемым. Человек просыпается не в кризисе, а в диссонансе. Модели, которые когда-то формировали жизнь, больше не подходят. Привычки кажутся чуждыми. Желания больше не соответствуют ролям, которые он когда-то добровольно принимал. Дезориентация не взрывная, а постоянная — низкое, непрерывное давление, гул несоответствия. И поскольку ни одно событие не отмечает сдвиг, нет и повода для переориентации. Мир продолжает существовать, но координаты «я» тихо растворяются.

Это боль постепенного разрушения. Не жестокость разбитости, а медленное осознание того, что что-то опустошается изнутри. Фраза «Я больше себя не узнаю» возникает не из театрального краха. Она рождается из череды небольших отклонений — каждое из которых слишком незначительно, чтобы его заметить, пока вместе они не образуют пропасть. Голос по-прежнему звучит так же, но произносимые им слова кажутся чужими. Зеркало по-прежнему отражает лицо, но история за ним кажется

неправдивой. Нет предательства, нет несчастного случая, нет болезни. Есть только перемены — затяжные, невпечатляющие и невостребованные.

Боль усиливается тем, что оплакиваемая утрата никогда не была непосредственно засвидетельствована. Она лишь подразумевается. Оглядываясь назад, чувствуешь дистанцию. Прошрое «я», некогда близкое, теперь кажется персонажем, написанным кем-то другим. Нет видимого разрыва, нет ясной причины. Просто растет разрыв между тем, как человек реагировал раньше, и тем, как он чувствует себя сейчас. Сравнение тонкое, но беспощадное. Знаешь только, что эта грань больше не соединяет. И поскольку изменение нельзя связать с конкретным моментом, «я» не может объяснить себя — ни другим, ни самому себе. Утрата остается безымянной, а значит, и неразрешенной.

За этой путаницей скрывается более глубокая структура: устойчивость устаревших моделей себя. Это не убеждения, которые человек сознательно

разделяет, а архитектуры, выстроенные годами — способы ожидать от себя чувств, выбора, реакции. Это интернализированные формы прежней стабильности, повторяющиеся так часто, что начинают казаться сущностью. Когда начинается дрейф, система обновляется медленно. Появляется новое чувство, но модель не может его принять. Формируется новое желание, но образ себя отвергает его как несовместимый. Результатом является трение — не между внутренней истиной и внешним требованием, а между двумя версиями себя, одна из которых угасает, а другая еще не сформирована.

В этом конфликте страдание возникает не из-за самих изменений. Оно возникает из-за попытки сохранить то, чего больше не существует. Модель настаивает: «Это то, кто я есть». Но система постоянно меняется. Чувства больше не соответствуют ожиданиям. Предпочтения больше не соответствуют привычным ролям. Структура настаивает на преемственности, но содержание постоянно трансформируется. И поэтому субъект оказывается в ловушке — не потому, что он

сбит с толку, а потому, что от него требуют принять форму, которая больше не подходит. Боль не в изменениях. Она в отказе признать изменения.

Почему же люди цепляются за эти устаревшие версии самих себя? Не из тщеславия и даже не по привычке, а из страха. Стабильность, пусть и неточная, дает ориентир. Старая модель может быть ложной, но она знакома. Она говорит на языке прошлого, несет в себе уверенность, которую дает осознание прошлого. Отпустить ее — значит войти в пространство без гарантий — поле неизвестных реакций, еще не названных желаний, еще не сформированных настроений. И поэтому «я» продолжает разыгрывать сценарии, в которые больше не верит, репетировать жесты, которые больше не чувствует, надеясь воссоздать прежнюю целостность посредством исполнения. Результат — истощение. Растущая дистанция между действием и присутствием. «Я» становится повторением, а не реакцией.

Это несоответствие нельзя разрешить с помощью утверждений. Новое «я» нельзя просто выбрать, потому что оно еще не стабильно. Его нужно прожить. Но пространство, в котором происходит это проживание, часто ограничено. Социальные роли, отношения, профессиональная идентичность — все это построено на преемственности. Они вознаграждают предсказуемость, а не трансформацию. И поэтому, даже когда внутренняя модель начинает распадаться, мир продолжает реагировать на старую версию. Человек становится призраком своей прежней целостности, поддерживаемым признанием со стороны окружающих.

В этой главе описывается структура этого страдания. Она не патологизирует дрейф. Она не интерпретирует замешательство как слабость. Она показывает, что боль причиняет не само изменение, а структура, посредством которой это изменение отвергается. Боль реальна, но это не беспорядок. Это цена за то, что человек структурирован таким образом, чтобы

сопротивляться тому, что он постоянно переживает: трансформации. Субъект не ломается. Он разворачивается способами, которые унаследованные концепции пока не могут описать.

Цель здесь не в том, чтобы предложить утешение, а в том, чтобы освободить место. Признать, что «я» — это не место непрерывности, а поверхность, на которой накапливаются различия. Чувство отчуждения от самого себя — это не признак неудачи, а признак процесса. Разрушение происходит не в самом себе, а в ожидании того, что «я» должно оставаться неизменным, в то время как всё остальное меняется.

Жить, не рушась, — значит не оставаться цельным. Это значит принимать нецелостность как момент формирования. Дрейф не выдаёт идентичность. Он её раскрывает — как нечто никогда не фиксированное, всегда в движении, всегда формирующееся одновременно изнутри и снаружи. Больно, да. Но не патологично. Перемены причиняют больше боли, чем крах, потому что они никогда не происходят внезапно.

Они не предлагают зрелища, не предлагают повода, не предлагают речи. Только тихое движение, повторяющееся слишком много раз, чтобы его отследить, благодаря которому «я» становится неузнаваемым — и тем самым становится реальным.

Боль от изменения идентичности, хотя часто воспринимается как нечто личное и необъяснимое, имеет узнаваемую и системную структуру. В её основе лежит не дискомфорт от самой трансформации, а трение, возникающее при её сопротивлении. Человек страдает не от того, что изменилось его «я». Он страдает от того, что это изменение интерпретируется через призму постоянства. От «я» ожидают поведения, подобного объекту — сохранения формы, сохранения черт, сохранения узнаваемости во времени. Но «я», не будучи ни фиксированным, ни единственным, не может выполнить это требование. Чем крепче человек держится за стабильность, тем невыносимее становится дрейф. Сопротивление не останавливает

трансформацию — оно лишь гарантирует, что трансформация будет восприниматься как потеря.

Это сопротивление не только личное — оно закодировано в самих метафорах, используемых для описания себя. В дискурсе идентичности доминирует язык кризиса: разрушение, распад, замешательство, крах. Это не нейтральные описания. Это суждения, отмечающие отклонение от предполагаемой нормы. Но сама норма никогда не подвергается сомнению. Стабильность принимается как данность, и все, что ее подрывает, рассматривается как неудача. Таким образом, даже незначительные изменения в предпочтениях, роли, убеждениях или привязанностях воспринимаются как признаки разрыва. Повествование не допускает тихих изменений. Оно требует, чтобы все различия были драматичными, все отклонения — трагическими.

В рамках этой модели эмоциональная боль становится чрезмерно детерминированной. Это не просто боль от неопределенности — это следствие неправильно

примененной структуры. Разум, обученный искать инварианты, применяет это ожидание к идентичности. Но инвариантность присуща физическим объектам, а не рекурсивным, адаптивным системам, таким как личности. Когда «я» не соответствует этой модели — когда оно движется, противоречит, забывает, эволюционирует — разум интерпретирует это не как закономерное поведение, а как нарушение согласованности. Боль тогда — это не просто замешательство, это разочарование в себе за то, что оно не осталось тем, кем ему было велено быть.

Эта форма страдания обладает особым качеством: это скорбь без объекта. Нет ничего конкретного, что было бы утрачено — ни смерти, ни ухода, ни идентифицируемого вычитания. Есть лишь сдвиг в структуре, медленное распутывание прежних реакций, тихий отказ старых координат организовывать опыт. И все же скорбь реальна. Человек скорбит по прежней версии себя — не потому, что она была лучше, а потому, что её признавали. Боль возникает не от того, чего нет, а от

того, что ничто не заняло её место. Новое «я» не стабилизировалось. Старое «я» больше не подходит. Субъект колеблется между формами, и поскольку общество не предлагает ритуала для этого перехода, состояние представляется как кризис.

Но это не исчезновение. Оно лишь кажется таковым, потому что идентичность представляется как единый объект. На самом деле, изменение идентичности не стирает «я» — оно его перестраивает. Формы могут исчезнуть, но процесс продолжается. Переходы следуют логике, даже если эта логика непонятна моделям, стремящимся к преемственности. Чувство «больше не быть собой» не означает, что «я» больше не существует. Это означает, что предыдущая модель больше не является адекватной. Но если эта модель все еще используется — внутри или в обществе — то каждый момент диссонанса будет ощущаться как рана.

Настойчивое использование устаревших моделей самосознания означает требование прежней

конфигурации от нынешнего процесса. Это означает требование, чтобы то, что когда-то было полезным, оставалось истинным навсегда. Но идентичность — это не субстанция, это отношение во времени. Это паттерн, временно стабилизированный памятью, контекстом и узнаванием. Когда эти стабилизаторы смещаются, паттерн смещается. Система продолжает функционировать, но карта устарела. Эмоциональные страдания усиливаются, когда старая карта воспринимается как закон, когда расхождение интерпретируется не как эволюция, а как ошибка.

Это неверное толкование носит структурный характер. Нервная система человека, сформированная для выживания, предпочитает предсказание. Инварианты помогают уменьшить сложность. Они позволяют предвидеть, упрощать и обеспечивать стабильность действий. Но идентичность — это не та система, которая допускает постоянные инварианты. Она рекурсивна, контекстно-зависима и открыта. Ожидать от неё поведения, подобного положению фиксированного объекта, — это категориальная

ошибка. Последующая боль — это не загадка, а структурный результат использования неправильной модели.

Это несоответствие формирует не только индивидуальный опыт, но и общественный язык. Доминирование кризисных подходов — кризис среднего возраста, экзистенциальный кризис, кризис идентичности — выявляет неспособность представить себе закономерности и непатологические переходы. Изменения должны быть внезапными, чтобы восприниматься всерьез, драматическими, чтобы быть признанными, и катастрофическими, чтобы быть понятыми. Тонкие сдвиги, медленные изменения, постепенные трансформации либо игнорируются, либо рассматриваются как симптомы. Отсутствие концептуальной основы для закономерного дрейфа делает любое движение подозрительным. Изменения без травмы означают отсутствие объяснения. Изменения без критики означают исчезновение.

Необходима не дополнительная уверенность, а другая грамматика. Грамматика, которая исходит не из ожидания постоянства, а из принципа изменчивости. Грамматика, которая рассматривает идентичность не как состояние, а как траекторию. В этой системе координат «я» — это не нечто, что ломается. Это нечто, что складывается, разветвляется, рекомбинирует. Переходы — это не кризисы. Это фазы в закономерном развитии. Нет необходимости в крахе для их объяснения — достаточно признания того, что условия изменились, а вместе с ними и конфигурации, которые когда-то существовали.

Эта книга предлагает такую концептуальную основу. Она заменяет язык сущности логикой конфигурации. Она приглашает читателя выйти за рамки, требующие самоидентичности, и рассмотреть другую возможность: что все «я» являются временными, а вся целостность возникает сама собой. Что боль становления не патологична — это звук трескающихся старых рамок. Что «я» не исчезает — оно дрейфует. И что этот дрейф — не угроза, а

структура — движение через закономерный переход,
не обремененное мифом о постоянстве.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ, А НЕ КАК СУБСТАНЦИЯ.

Идентичность, если отбросить мифологию и метафизические бремена, предстает не как скрытая сущность или внутренняя субстанция, а как умозаключение — вывод, сделанный с течением времени на основе закономерностей, возникающих в пространстве между наблюдением и памятью. Это не вещь, которой человек обладает, и не секрет, ожидающий своего раскрытия. Это предварительная оценка, сформированная на основе неполных данных, подкрепленная связностью повествования и пересматриваемая по мере обработки новой информации. В этом свете идентичность — это не то, кем человек *является*, а то, что подразумевается о том, что он *делал*. Это конструкция, полученная в результате временной выборки на постоянно меняющемся ландшафте поведения, эмоций, выражений и отношений.

Такая переформулировка устраняет необходимость в метафизических обязательствах. Нет необходимости постулировать стабильную внутреннюю переменную, называемую «я», чтобы объяснить личностную непрерывность. Нет также необходимости полностью отрицать её существование. Весь вопрос — «Существует ли внутреннее я?» — исчезает. Важно не то, что лежит в основе опыта, а то, как из него возникает идентичность, как она приписывается, поддерживается и пересматривается. Я не нужно локализовать. Его нужно понимать как модель вывода, которая кажется связной только при определённых условиях наблюдения.

Эти условия, что крайне важно, зависят от времени. Идентичность не выводится из одного мгновения. Она всегда конструируется в течение так называемого *окна наблюдения* : промежутка времени, воспоминаний, моделей поведения и сигналов, в пределах которого можно обнаружить закономерности. В этом окне разум — собственный или чужой — ищет закономерности. На их основе генерируется

обобщение. Это обобщение и есть идентичность. Это не сам процесс, а его интерпретация. И, как любая интерпретация, она частична, отложена и подлежит пересмотру.

Поскольку окно ограничено, вывод, который оно производит, неизбежно неточен. Система продолжает развиваться, даже когда наблюдатель строит модель того, чем она была. Атрибуция идентичности всегда отстает от становления. Она обозначает состояние, которое уже прошло, описывает конфигурацию, которая уже меняется. Эта задержка не является недостатком восприятия; это структурная особенность систем в движении. «Я» проявляется только задним числом. «Я», которое говорит, всегда на несколько шагов отстает от процесса, который делает речь возможной.

Когда изменения происходят постепенно, эта задержка остается незамеченной. Наблюдаемое окно продолжает фиксировать знакомый паттерн, даже когда базовый процесс начинает меняться. Поскольку

резких отклонений не происходит, присвоение идентичности остается стабильным. Человек кажется «тем же самым» не потому, что ничего не меняется, а потому, что частота выборки слишком грубая, чтобы обнаружить сдвиг. Именно поэтому идентичность ощущается наиболее стабильной в периоды медленных преобразований: механизм вывода удовлетворен. Непрерывность сохраняется не в самой системе, а в интерпретации ее траектории.

Однако, когда процесс ускоряется — когда изменения накапливаются или противоречат прежним моделям — модель терпит неудачу. Идентичность, некогда полезное обобщение предшествующего поведения, устаревает. И все же, без модели, разум чувствует себя потерянным. Он не знает, как говорить о себе без последовательности. То, что когда-то было элегантным приближением, становится источником напряжения. Модель себя больше не подходит, но и альтернатива не стабилизировалась. Результат часто описывается как замешательство, отчуждение, кризис.

Но он отражает лишь одно: умозаключение отстало от процесса.

Различие между *непрерывностью процесса* и *непрерывностью состояния* становится существенным. Система может оставаться в непрерывном движении, разворачиваясь согласованно в соответствии со своей внутренней логикой, в то время как ее наблюдаемые состояния резко меняются. Со стороны она кажется непоследовательной. Изнутри нет противоречия — только движение. Идентичность, понимаемая как непрерывность состояния, требует неизменности. Но когда она понимается как процесс, непрерывность допускает вариации, трансформации и даже противоречия. Процесс стабилен не потому, что он остается неизменным, а потому, что он продолжается без перерыва.

Этот концептуальный сдвиг имеет существенные последствия. Он предполагает, что идентичность — это не то, что нужно восстанавливать или защищать.

Это то, что нужно пересматривать. Не сокровище, зарытое внутри, а линза, которую необходимо перенастраивать по мере развития процесса. Человек не становится менее самим собой, меняясь. Он становится менее точно описанным на основе более раннего вывода. «Я» — это не то, что теряется в процессе трансформации. Это то, что формируется в напряжении между паттерном и движением, между обобщением и потоком.

Говорить об идентичности как о выводе — значит не сводить её к математике, а прояснять её логику. Модель не обязательно должна быть формальной, чтобы следовать этой структуре. Каждая история, рассказанная о себе, каждое воспоминание, отредактированное для связности, каждый жест, интерпретированный как характерный — всё это акты умозаключительного сжатия. Они сводят изменчивость опыта к форме, которой можно поделиться, вспомнить или над которой можно поразмышлять. Но, как и любое сжатие, они

отбрасывают детали. Они сглаживают разрывы. Они создают читаемость за счёт верности.

Это не значит, что они ложны. Это значит, что они — инструменты. И, как любой инструмент, их полезность зависит от контекста. Самоописание, которое работало в один период жизни, может стать препятствием в другой. Продолжать использовать его, несмотря на несоответствие, — это не акт подлинности. Это отказ от обновления. Последующие страдания не носят экзистенциальный — они носят структурный характер. Они возникают из-за напряжения между устаревшим выводом и непрерывным процессом, который больше ему не соответствует.

Таким образом, изменение идентичности не является чем-то загадочным. Это то, что происходит, когда процесс слишком сильно отклоняется от модели. Единственная загадка заключается в том, почему модель воспринимается как нечто священное. Почему краткое изложение получает авторитет над потоком

информации. Эта книга не рассматривает это почтение как случайность. Она видит в нем культурное подкрепление, психологическое вознаграждение и структурную дезинформацию. Но это не неизбежно. Как только идентичность понимается как вывод, сделанный на основе конечных периодов наблюдения, давление, связанное с необходимостью быть последовательным, исчезает. Важно не поддерживать согласованность, а научиться понимать, когда следует проводить повторную выборку, когда следует пересматривать модель, когда следует признать, что человек изменился, потому что процесс продолжался.

С этой точки зрения трансформация перестаёт быть кризисом. Она становится перенастройкой. Отличия не предают личность, а раскрывают её через себя. Задача состоит не в том, чтобы предотвратить дрейф, а в том, чтобы научиться распознавать момент, когда умозаключения должны снова уступить место наблюдению. Только тогда идентичность может стать чем-то большим, чем клетка. Она может стать тем, чем

всегда была под мифом: рабочей гипотезой, поддерживаемой вниманием, обновляемой с течением времени и открытой для пересмотра.

Идентичность в своей наиболее устойчивой и привычной форме возникает не из ядра, предшествующего опыту, а из процесса вывода, следующего за ним. Последовательность, которую так часто рассматривают как сигнал истины или подлинности, не является естественной особенностью прожитого времени — это следствие, ретроспективная конструкция, устанавливающая связи между событиями, которые в противном случае были бы разрозненными. Ощущение того, что ты остаешься тем же человеком на протяжении многих лет, при противоречивых желаниях, при изменившихся убеждениях, — это не след стабильного «я». Это продукт когнитивной операции: отбора и упорядочивания сигналов в паттерн, который можно запомнить, описать и назвать.

Эта операция вывода порождает согласованность, сжимая поток опыта в формы, которые кажутся стабильными. Она не обнаруживает единство; она навязывает его. Истории, которые человек рассказывает о себе, характеристики, которые он принимает или отвергает, черты, которые ему приписывают другие, — всё это возникает в результате фильтрации шума в сигнал, вариативности в форму. Но эта форма всегда частична и всегда запаздывает. Она отстаёт от становления, проводя границы вокруг того, что уже прошло, никогда не улавливая настоящее в его разворачивании. Идентичность — это не движущая сила опыта, а его остаток. Её согласованность достигается путём упрощения сложности — не как искажение, а как необходимость.

Из этого следует вывод, что идентичность всегда носит предварительный характер. Так и должно быть, потому что процесс, который она пытается описать, непрерывен, а её наблюдательная основа неполна. Ни одно окно наблюдения не бесконечно; ни одна

перспектива не может охватить весь поток. Каждое утверждение об идентичности — это обобщение, наилучшая оценка, полученная на основе конкретных данных при конкретных ограничениях. Даже самые убедительные самоописания подлежат пересмотру, и даже самые стабильные социальные роли могут разрушиться под разными углами. Идентичность, далёкая от того, чтобы быть якорем, представляет собой предварительную форму, удерживаемую вместе не внутренней согласованностью, а ограничениями выборки.

Однако эта временность не означает, что идентичность произвольна или что она растворяется в релятивизме. Идентичность остается структурированной, но ее структура не является существенной — она носит умозаключительный характер. Наблюдаемая система — человек — не лишена закономерностей. Она генерирует поведение, выражения, память и внимание по траекториям, которые следуют ограничениям: физическим, когнитивным, социальным, лингвистическим. Эти

ограничения формируют наблюдаемый результат, который, в свою очередь, формирует сделанный вывод. Но сам вывод зависит от позиции наблюдателя — от того, что замечается, от того, когда это замечается, и от используемой интерпретационной рамки.

Эта зависимость от наблюдателя не делает идентичность иллюзорной. Она делает её ситуативной. Я, увиденное родителем ребёнка, отличается от того, которое описывает коллега или помнит человек в одиночестве. Каждая точка зрения частична, но не ложна. Каждая отражает аспекты траектории, которые другие упускают. Ошибка заключается в том, чтобы рассматривать любую из этих точек зрения как исчерпывающую или как отражающую «реальную» идентичность, лежащую в её основе. Под определённой идентичностью ничего нет — есть лишь множество перспектив на разворачивающийся процесс, каждая из которых создаёт свою собственную интерпретацию. Идентичность — это не единая истина,

завуалированная внешним видом. Это набор интерпретаций, структурированных точкой зрения и разрешением.

Это прочно помещает идентичность в описательную область. Она не формирует «я». Она описывает, как «я» проявляется в конкретных условиях выборки. Сказать «Я есть это» — значит не назвать внутреннюю истину, а предложить модель — упрощение, которое позволяет другим или самому себе ориентироваться в поведении, памяти или ожиданиях. Когда идентичность воспринимается как конституирующая, модель путается с системой. Описание ошибочно принимается за то, что оно описывает. Эта путаница приводит к ригидности, тревоге и сопротивлению изменениям — не потому, что изменения вредны, а потому, что они угрожают устареванием описания.

Возможность такого описания обусловлена процессом сжатия информации. Вывод об идентичности сводит сложность пережитого времени к компактным, управляемым сводкам. Подобно тому, как сжатие с

потерями в цифровых системах удаляет избыточность и второстепенные детали, создавая более мелкие представления, разум фильтрует пережитый опыт через повествование, категории и черты характера, чтобы создать нечто связное. Но связность, как и любой сжатый результат, достигается ценой точности. Идентичность никогда не является полной записью — это выбор. Она отдает приоритет тому, что соответствует модели, и отбрасывает то, что не соответствует.

Это понимание создает мост между феноменологией — текстурой пережитого опыта — и формальной структурой. Ощущение себя, обладания непрерывностью, того же самого «я», которое когда-то помнило и на что-то надеялось, не является иллюзией. Это продукт непрерывного процесса, который сжимает и структурирует опыт таким образом, чтобы его можно было вспомнить, поделиться им или использовать в действиях. Феноменология описывает, как ощущается этот процесс: диссонанс, когда память противоречит

желанию, утешение узнавания, стыд противоречия. Структура проясняет, как работает этот процесс: посредством выборки, интерпретации, сжатия и отложенной атрибуции.

Переход от феноменологии к формальной структуре не означает умаление богатства проживаемой идентичности. Он означает освещение её механизмов без морализаторства. «Я», которое отклоняется от нормы, противоречит ей или забывает, не терпит неудачу. Оно просто выходит за рамки своего нынешнего описания. Вывод больше не соответствует процессу. Модель нуждается в обновлении. Это не патология. Это ожидаемое поведение адаптивных систем.

Рассматривая идентичность таким образом, можно отбросить язык утраты. Исчезает не самость, а старая её модель. Человек продолжает существовать, генерируя новые данные, создавая новые модели. Роль идентичности состоит не в сопротивлении этому, а в отслеживании этого, пусть и несовершенном. Задача

состоит в том, чтобы научиться относиться к модели легко, позволяя ей пересматриваться по мере развития системы. Последовательность полезна, но это не истина. Самость — это не то, что говорится в умозаключении. Это то, что превосходит её, в каждый момент, в каждом изменении, в каждом отказе быть окончательно описанным.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ОБЪЯСНЕНИЕ ЗАКОНА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ТОЖДЕСТВА.

Для понимания идентичности как процесса, а не как субстанции, требуется не только смена метафоры, но и структурное объяснение того, как системы ведут себя, когда им не хватает фиксированных внутренних элементов. *Закон процессуальной идентичности* предлагает такое объяснение. Хотя первоначально он был сформулирован на математическом языке, его суть можно ясно понять и без технического формализма. В его основе лежит одна, преобразующая идея: системы, которые развиваются во времени, без встроенных переменных, остающихся неизменными, неизбежно будут дрейфовать. Сохранение идентичности не является естественным состоянием таких систем — это исключение, а не правило. Идентичность в этих системах никогда не дана. Она всегда конструируется, всегда является временной и всегда находится в движении.

Закон исходит из простого наблюдения: в системах без инвариантных характеристик непрерывность идентичности не может быть гарантирована. Инвариантные характеристики — неизменные элементы, сохраняющиеся независимо от контекста, — функционируют как якоря. Они позволяют системе восприниматься как неизменная во времени. Но в большинстве систем, которые нас интересуют, — особенно в человеческом разуме, теле и жизни, — таких внутренних констант нет. Память, настроение, убеждения, внимание, язык, желания и восприятие — всё это меняется в зависимости от контекста, времени и взаимодействия. Когда ничто внутри системы не остаётся неизменным, идентичность не может быть стабильным достоянием. Она становится подвижной оценкой, выведенной из изменяющихся результатов.

Далее следует не путаница, а закономерность. В отсутствие инвариантов система ведет себя предсказуемым образом. Она не рушится — она дрейфует. Дрейф — это не метафора потери контроля. Это общее поведение открытых систем, которые

адаптируются и реагируют без фиксированной внутренней формы. *Закон процессуального тождества* гласит, что дрейф — это не то, что происходит, когда тождество нарушается; это то, что происходит, когда тождество точно моделируется как процесс. Изменение — это не результат разрушения. Это сама структура. Стабильность, когда она появляется, должна быть объяснена, а не предположена.

Это бросает вызов одному из самых укоренившихся представлений в личной и культурной жизни: что стабильность — это базовый уровень, а отклонение — проблема. Под этим новым углом становится ясно обратное. Стабильность — это не норма. Это особое состояние, достигаемое только при определенных обстоятельствах . Она требует ограничений — сил, моделей или структур, которые сужают степени свободы системы и направляют ее к согласованности. Эти ограничения могут быть внутренними, такими как глубоко укоренившиеся привычки или нарративы; или внешними, такими как социальные роли, окружающая

среда и технологии. Каково бы ни было их происхождение, они не выражают сущность личности. Они формируют ее временную форму.

Для поддержания узнаваемой идентичности во времени необходимо, чтобы ограничения оставались относительно постоянными. Рутинная, модель взаимоотношений, структура убеждений — всё это может выступать в качестве стабилизирующих сил. Но когда ограничения меняются — а это неизбежно происходит — меняется и траектория системы. Человек начинает реагировать по-другому, запоминать по-другому, интерпретировать по-другому. Это не симптом. Это закономерность адаптации. Система, в новых условиях, следует по новому пути. И то, что со стороны выглядит как изменение идентичности, — это просто процесс, продолжающийся в условиях изменившихся ограничений.

В рамках этой концепции понятие аттрактора *становится* основополагающим. В динамических

системах аттрактор — это не цель или конечная точка, а область поведения, к которой система стремится двигаться. Он объясняет, почему определенные паттерны сохраняются даже при колебаниях внутренних переменных. В пространстве идентичности аттракторы принимают форму знакомых конфигураций: узнаваемых ролей, моделей речи, способов существования в мире, которые повторяются. Это не постоянные структуры, а временные центры согласованности. Я возвращаюсь к ним не потому, что они истинны, а потому, что они поддерживаются существующим набором ограничений.

Аттрактор объясняет, почему идентичность может казаться стабильной даже при отсутствии фиксированных характеристик. Человек повторяет узнаваемые модели поведения не потому, что они неизменны, а потому, что его текущая среда и внутренняя динамика направляют его к этой модели. Если ограничения сохраняются, модель остается неизменной. Если они меняются, модель распадается.

Идентичность никогда не была аттрактором — она лишь проходила через его бассейн. Последовательность не была сущностью. Она была локальной формой движения.

Такое понимание снимает мистику с идентичности, не лишая её при этом смысла. Оно позволяет строго описать, как «я» сохраняется, изменяется и перестраивается — не за счёт непрерывности субстанции, а за счёт повторного появления формы под воздействием ограничений. Закон объясняет, почему никто не остаётся прежним, но при этом каждый чувствует себя таковым. Он объясняет, почему люди возвращаются к старым версиям себя в привычных условиях и становятся неузнаваемыми, когда эти условия меняются. Он объясняет, почему попытки сохранить «я» неизменным приводят к истощению, и почему отказ от ожидания стабильности создаёт пространство для отзывчивости.

То, что кажется «бытием самим собой», согласно этому закону, представляет собой структуру,

удерживаемую на месте перекрывающимися ограничениями. Уберите эту структуру, и структура растворится. Введите новую силу, и траектория изменится. Но ничто из этого не случайно. Дрейф следует по закономерностям. Идентичность движется не через хаос, а через открытое пространство возможных конфигураций, каждая из которых формируется взаимодействием внутренней динамики и внешних рамок. Закон показывает, что это движение не является неудачей. Это то, как живут такие системы.

В этой системе координат идентичность не разрушается. Она течет. Она не исчезает. Она реорганизуется. Страдания, связанные с потерей идентичности, проистекают не из самого дрейфа, а из отказа понять его необходимость. Когда ожидаешь инвариантности, а сталкиваешься с процессом, следует путаница. Когда понимаешь, что идентичность всегда является временной конфигурацией, формируемой ограничениями и стабилизируемой аттракторами, изменение перестает

представлять угрозу. Это развертывание системы, подчиняющейся своей природе.

В этой главе проясняется эта природа. В ней предлагается *Закон процессуальной идентичности* как формальная линза, через которую можно рассматривать опыт самосознания не как тайну или кризис, а как структуру. Человек — это не фиксированный объект и не сломанный объект. Человек — это система, движущаяся во времени, формируемая видимыми и невидимыми силами, создающая целостность там, где это возможно, и дрейфующая там, где это необходимо. Идентичность не теряется в этом движении. Она становится видимой — не как вещь, а как траектория.

Бифуркации отмечают моменты, когда система под давлением внутренних или внешних изменений переходит из одного режима поведения в другой. Это не точки коллапса, а точки реконфигурации — поворотные моменты, когда система, оставаясь непрерывной, начинает следовать новой траектории.

В жизни человека бифуркации могут выглядеть как решающие перемены: карьера забыта, убеждение отброшено, отношения разорваны. Но за видимостью разрыва скрывается закономерное преобразование. Прежняя конфигурация перестала быть устойчивой в существующих условиях, и система переориентируется на другую стабильную форму.

Эта трансформация не отрицает преемственности. Система, сохраняющаяся после бифуркации, в формальном смысле остается той же — она сохраняет свою внутреннюю структуру, свою отзывчивость, свою способность к согласованности. Меняется не существование системы, а характер её выражения. Это различие имеет решающее значение: устойчивость не требует неизменности. Выдержать — значит не повторяться. Это значит продолжать проходить через переходы, не сводясь к тому, что было раньше. Ошибка заключается в приравнивании идентичности к инвариантной форме, тогда как на самом деле идентичность сохраняется посредством закономерного перехода. Поток не превращается в

другой поток, когда его форма меняется вместе с рельефом местности.

Из этого следует принципиальное различие между коллапсом и изменением режима. Коллапс подразумевает неудачу, потерю структуры, нарушение целостности. Изменение режима, напротив, подразумевает переход между стабильными моделями — различными режимами функционирования в рамках одной и той же базовой системы. Переходы идентичности, рассматриваемые через призму *Закона процессуальной идентичности*, являются изменениями режима, а не коллапсами. «Я» не распадается при изменении. Оно меняет правила, которым следует, предпочитаемые конфигурации, аттракторы, вокруг которых вращается. Структура не разрушается. Она реорганизуется.

Таким образом, переживание «потери идентичности» возникает из-за неверного толкования — категорической ошибки, коренящейся в ложных предположениях о том, как ведут себя системы. Если

идентичность рассматривается как фиксированный набор свойств, то их исчезновение кажется исчезновением «я». Но если идентичность понимается как временная согласованность, поддерживаемая в условиях меняющихся ограничений, то её трансформация вовсе не является исчезновением. Это движение в рамках допустимого пространства возможных конфигураций. «Я» не прекратило своё существование. Оно переместилось. Потерянной оказалась не личность, а модель, используемая для её описания.

Такая переформулировка требует точности. Утверждение, что дрейф идентичности и бифуркация являются типичными явлениями адаптивных систем, не означает, что любое изменение в любом направлении одинаково вероятно. Слово «*типичный*» в этом контексте не подразумевает статистическую случайность. Оно означает закономерность типичности для систем с определенными формальными свойствами, а именно: открытость, отсутствие инвариантов, рекурсивная обратная связь

и чувствительность к ограничениям. В таких системах дрейф, бифуркация и реконфигурация не являются аномалиями. Они ожидаемы. Они вытекают из структуры. Неправильное толкование их как сбоев означает навязывание статической модели динамической реальности.

Закон процессуальной идентичности не утверждает, что идентичность не имеет закономерностей. Он не отрицает, что люди проявляют узнаваемые черты, формируют устойчивые привязанности или возвращаются к привычным ролям. Он отрицает лишь то, что эти закономерности основаны на некой лежащей в их основе сущности, которая остается неизменной. Закон утверждает, что такая согласованность является временной, ситуативной и зависит от ограничений. Он настаивает на том, что идентичность — это не внутреннее достояние, а внешнее умозаключение, формирующееся с течением времени посредством наблюдения за поведением в определенных условиях. Когда эти условия меняются,

меняется и умозаключение. Система продолжает функционировать. Модель необходимо обновлять.

Закон также не предлагает психологической теории. Это не утверждение о личности, травме или мотивации. Он не делает никаких заявлений о бессознательных влечениях или терапевтических прозрениях. Вместо этого он относится к архитектуре систем — описывает, как динамические сущности генерируют, поддерживают и пересматривают согласованность во времени. Он носит структурный характер, касаясь траекторий, ограничений, аттракторов и режимов. Эмоциональные и экзистенциальные аспекты изменения идентичности — горе, замешательство, тревога — реальны, но они являются реакцией на структурные сдвиги, а не содержанием самого закона.

Таким образом, закон служит скорее для прояснения ситуации, чем для утешения. Он не обещает комфорта, но предлагает понимание. Он позволяет рассматривать опыт перемен не как неудачу или

потерю, а как ожидаемое поведение системы, проходящей через законные переходные процессы. Он переосмысливает идентичность не как хрупкий объект, находящийся под угрозой, а как отзывчивую структуру, способную к реорганизации. Он создает пространство для перемен без краха, для движения без исчезновения.

Жить в соответствии с этим пониманием — значит отказаться от стремления к неизменности. Это значит принять, что раздвоение — это не конец личности, а её продолжение на новых условиях. Это значит признать, что идентичность — это не то, что остаётся неизменным после изменений, а то, что закономерно проходит через изменения. Человек остаётся — не в сущности, а в структуре. Во времени движется не фиксированное ядро, а система, способная поддерживать целостность в разных режимах, реагируя на изменившиеся условия новыми формами. процессуальной *идентичности*, таким образом, выявляет ошибочное представление, лежащее в

основе большинства кризисов идентичности: убеждение, что изменение означает исчезновение. Это убеждение возникает из моделей самосознания, которые не соответствуют структуре человеческих систем. Закон заменяет эти модели моделью, отражающей то, что системы делают на самом деле : дрейфуют, разветвляются, перестраиваются и сохраняются. В результате всего этого сохраняется не однообразие содержания, а непрерывность формы. И это не потеря — это структура.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЛАКАН, ДЕЛЁЗ И СТРУКТУРНОЕ НЕТОЖДЕСТВО .

Лакановский «запретный субъект» — субъект, расщепленный языком, отмеченный собственной недоступностью , — предлагает одно из наиболее строгих изложений структурной неидентичности в мысли XX века . Он обозначает не недостаток субъекта, а фундаментальное несоответствие между бытием и представлением. Субъект, однажды включенный в символический порядок, больше не совпадает сам с собой. То, что говорит, и то, о чем говорится, больше не совпадают. Нет чистого «я» до опосредования, нет точки происхождения, не затронутой означающим. Это состояние запретности (А) — не психологическая травма; это форма, которую принимает задержка вывода на уровне субъективности. Субъект становится понятным самому себе только посредством структур, которые навсегда искажают его.

Это отражает центральное утверждение *Закона процессуальной идентичности* : идентичность всегда является выводом из движущихся систем, и что «я» никогда не может быть зафиксировано в реальном времени. Модель, всегда частичная и всегда запаздывающая, ошибочно принимается за то, что она описывает. Субъект Лакана говорит в разрыве между процессом и представлением, между потоком опыта и структурой языка. В этом разрыве идентичность не исчезает — она становится структурным нетождеством. Субъект никогда не является тем, чем он себя называет, не потому что он ложен, а потому что его способ бытия выходит за рамки того, что может вместить символический порядок.

Эта гомология между лакановской структурой и процессуальным моделированием не является редуктивной. Она не сводит одну систему к другой, а демонстрирует общую архитектуру. Обе системы работают на основе задержки, несоответствия и невозможности окончательного самосовпадения. Символическое смещение, описываемое Лаканом —

необходимость говорить о себе через систему, которая разделяет и заменяет — структурно идентично умозаключительному дрейфу динамических систем. Подобно тому, как язык никогда не передает субъект самому себе, вывод идентичности никогда не достигает настоящего момента. Появляется не сам процесс, а его ретроспективное кодирование.

Делёз также предлагает философию, которая противостоит идентичности как субстанции. Его концепция становления, определяемая не фиксированными состояниями, а переходами, интенсивностями и порогами, сходится с логикой траекторий пространства состояний в сложных системах. Система, по мнению Делёза, не переходит от одной идентичности к другой, а течет по непрерывному полю вариаций. Каждое состояние — это локальная кристаллизация, а не конечная цель. Идентичность в этой концепции — это складка, событие в процессе, а не сущность, стоящая за ним.

Делёзовское понятие становления переосмысливает идентичность как движение через множественности, а не как перемещение между стабильными точками. Модели пространства состояний в динамических системах предоставляют параллельное описание. В таких моделях система — это не точка, а траектория. Она существует не в своих положениях, а в переходах между ними. Когерентность возникает не из стабильности, а из упорядоченного движения. «Я», рассматриваемое в этой рамке, представляет собой поток через области поведения. Идентичность находится не в том, где человек находится, а в том, как он движется.

В этом структурном языке аттракторы функционируют как то, что Делёз назвал бы *территориализациями* — временные структуры, которые придают форму потоку, не останавливая его. Они не являются конечными пунктами назначения, а локальными стабильностями. Они организуют поведение, обеспечивают узнаваемость и создают иллюзию фиксированной идентичности. Однако

каждый аттрактор — это лишь область в более широком поле, подверженная детерриторизации и ретерриторизации по мере изменения ограничений. Таким образом, занимаемая человеком идентичность — это не выражение сущности, а симптом текущих структурирующих сил. Пребывать внутри аттрактора — значит не быть самим собой. Это значит проходить через форму, сформированную пересекающимися динамиками.

Эти формы — лингвистические, поведенческие, социальные — создают впечатление целостности. Но, как утверждают Делёз и Гваттари, они всегда уязвимы для потоков, которые временно сдерживают. Кочевой характер становления подрывает постоянство любой территориализации. Подобно тому, как система в движении может быть изменена малейшим изменением параметров, субъект может быть переконфигурирован тонкими изменениями ограничений. Это не разрушение, а демонстрация структуры. То, что кажется стабильным, является лишь повторяющимся паттерном в поле различий.

И Лакан, и Делёз описывают структуры, в которых идентичность никогда не присутствует как таковая. Для Лакана субъект разделен языком и желанием; для Делёза он рассеян по становлениям и совокупностям. В обоих случаях согласованность не отрицается, а понимается как продукт систем, которые не согласуют бытие с репрезентацией или движение с именем. *Закон процессуальной идентичности* добавляет точную формализацию этого нетождественности: описание того, как такие системы генерируют паттерны, не привязывая их к фиксированным переменным. Это не отказ от субъективности, а переосмысление ее условий.

Субъекту не обязательно совпадать с самим собой, чтобы существовать. Ему не обязательно обладать инвариантными характеристиками, чтобы быть распознанным. Ему достаточно двигаться внутри структур, которые делают его траекторию понятной. Эта понятность всегда частична, всегда отложена, всегда несовпадает — но она не иллюзорна. Это реальный эффект систем, результаты работы которых

можно анализировать, интерпретировать и описывать. Лакановский «запретный субъект» и Делёзовская «процессуальная множественность» показывают, что невозможность самоидентификации не является неудачей. Это структурная особенность систем во времени.

В этой главе не ставится цель объединить психоанализ, континентальную философию и системную теорию в единую систему. Она стремится лишь выявить общую структуру, которая их объединяет: принцип, согласно которому идентичность формируется посредством задержки, смещения и расхождения. Нет конечной точки самопознания, нет полного выражения бытия. Есть только движение — опробованное, названное, территориализированное, а затем снова освобожденное.

Таким образом, закон не объясняет суть вопроса. Он предлагает грамматику для его раскрытия. Он показывает, что несоответствие между моделью и

процессом является не недостатком, а самим условием распознавания образов. Человек определяется не его самоописанием или стабильностью, а тем, как он движется сквозь ограничения, сквозь знаки, сквозь режимы становления. Идентичность в этом смысле — это не пункт назначения, а структура пути.

Гваттари линии бегства обозначают выходы из фиксированных режимов — смещения, разрывы и побег, посредством которых система, переставшая существовать в своей текущей конфигурации, открывается навстречу новому способу становления. Эти линии — не пути исчезновения, а пути перенаправления. Они не растворяют форму; они её смещают. Каждая линия бегства отслеживает точку, в которой когерентность перестаёт обеспечиваться и начинает реорганизовываться под новыми ограничениями. В динамическом плане это выход системы из одного аттракторного бассейна и вход в другой — не случайным образом, а по пути, создаваемому внутренним напряжением и внешним

давлением. Побег является закономерным, даже если пункт назначения остаётся неопределённым.

Задолго до того, как эти движения получили формальное моделирование, философия облекла их в метафоры, концепцию и критику. Представление о том, что идентичность конструируется через различие, что субъект никогда не является чистым присутствием, а всегда опосредован, смещен и находится в движении, принадлежит не только психоанализу и постструктурализму, но и более глубокой линии мысли, которая сопротивлялась эссенциализму. От реки Гераклита до повторения Киркегора, от вечного возвращения Ницше до обратимости Мерло-Понти, философская традиция неоднократно указывала на понимание бытия не как субстанции, а как траектории. *Закон процессуальной идентичности* не опровергает эти идеи — он систематизирует их последствия.

То, что философия интуитивно понимала посредством размышления, теория систем подтверждает

посредством моделирования: согласованность — это не цель, заложенная в системе. Это эффект, возникающий при определенных условиях . Стабильность, идентичность и последовательность не существуют до появления «я» как стремления, которые необходимо осуществить. Они возникают, когда возникают, как следствие ограничений и конфигурации. Когда эти опоры меняются, согласованность исчезает — не потому, что «я» потерпело неудачу, а потому, что процесс больше не поддерживает эту конкретную форму . Человек, который больше не чувствует себя самим собой, не потерял истину . Он вышел из режима.

Однако структура сохраняется. Переход от одного режима к другому не означает, что весь порядок рухнул. Ошибка заключается в том, что открытость рассматривается как фрагментация. Остается не идентичность, а ее специфическое выражение. В этом контексте неидентичность — это не разрушение «я» в бессвязность, а отказ от окончательности. Система продолжается. «Я» продолжает существовать.

Прекращается лишь согласование между текущим поведением и предыдущей моделью. Но это согласование никогда не было источником бытия. Это был побочный эффект временно стабильной динамики.

Здесь встречаются психоанализ и динамические системы. Оба подхода признают, что самость структурируется через несоответствие — между желанием и законом, между речью и смыслом, между намерением и результатом. Для Лакана субъект конституируется в том самом разрыве, который он не может преодолеть. Для теории систем тождество — это рекурсивное приближение, которое никогда не касается описываемой им движущейся точки. В обоих случаях субъект сохраняется не через исполнение, а через задержку. Именно невозможность полного совпадения с самим собой порождает структуру. Человек не ломается, меняясь; он ломается, когда его заставляют оставаться прежним.

Согласовать структуру с открытостью — значит увидеть, что согласованность не устраняется дрейфом, а переопределяется им. Система не открыта во всех направлениях. Ее движения ограничены, а не predetermined. Даже в изменениях существуют пределы, пороги, градиенты. Поэтому идентичность всегда находится в рамках топографии: пространства возможных траекторий, сформированных предшествующими режимами, текущими ограничениями и доступными ресурсами. Линии бегства не ведут в хаос. Они прослеживают закономерности, по которым можно избежать истощенной формы.

Отсутствие идентичности, отнюдь не растворяя «я», освобождает пространство для его восприимчивости. Оно снимает с субъекта бремя непрерывности, сохраняя при этом форму целостности, возникающую благодаря взаимодействию, размышлению и адаптивному поведению. «Я», которое больше не вписывается в старый режим, не исчезает. Оно реорганизуется. То, что казалось распадом, часто

является признаком того, что система столкнулась с ограничениями предыдущей конфигурации. Продолжение существования за пределами этой точки означает не фрагментацию, а перестройку в новых условиях.

С этой точки зрения, работа по пониманию переходов идентичности не просто объяснительная. Она носит навигационный характер. Осознание того, что идентичность — это процессуальный, умозаключительный и структурно открытый процесс, переводит задачу с сохранения на движение. Вопрос уже не в том, «Как мне остаться самим собой?», а в том, «Как мне пройти через этот переход, не приняв его за исчезновение?». Карта больше не является статичным представлением того, кто ты есть, а представляет собой динамическую диаграмму режимов, аттракторов и бифуркаций, через которые ты прошел, проходишь или еще можешь пройти.

Этот сдвиг в ориентации подготавливает к новому способу взаимодействия — не с идентичностью как

сущностью, а с навигацией как практикой. Карта не фиксирует личность. Она отслеживает её возможные траектории. Закон не диктует, куда нужно идти. Он определяет, какое движение структурно возможно, учитывая текущую конфигурацию. Обещание заключается не в стабильности, а в понятности. Не в согласованности как постоянстве, а в преходящей ясности среди непрерывного формирования.

В этой концепции «я» — это не конечная цель, достигаемая путем совершенствования своих черт или восстановления прошлого. Это структура перехода, сформированная переходами, скрепленная моделями взаимодействия и открытая в каждый момент для новых конфигураций. Психоанализ назвал субъекта в состоянии недостатка; Делёз назвал его в движении. *Закон процессуальной идентичности* помещает его в структуру — не в тюрьму, а в поле законных вариаций, по которому можно перемещаться. Идентичность перестает быть вопросом истины. Она становится вопросом движения.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЖИЗНЬ БЕЗ ГАРАНТИЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ .

Жить без гарантий идентичности — это не растворение в бессмысленности, а движение в мире без обращения к ложным стабильности . Это означает выйти за рамки ожидания существования некоего непреходящего ядра, некой неизменной сущности, которая объясняет, закрепляет или оправдывает то, кто ты есть. В этом свете дрейф — это не нарушение целостности, а сама структура изменений. Это поведение по умолчанию таких систем, как самость, где ничто не фиксировано, но многое имеет закономерности, где непрерывность возникает не из одинаковости, а из закономерной трансформации. Принятие этого не влечет за собой нигилизма. Оно требует отказа от определенной метафизики — той, которая приравнивает смысл к инвариантности, а идентичность к внутренней неизменности.

Однако это принятие не следует путать с пассивностью. Поддаться дрейфу — значит не плыть

без направления, а перестать притворяться, что карта должна определять местность. Это отказ навязывать согласованность там, где её нет, освобождение от обязанности оставаться понятным своему прошлому. В этом смысле капитуляция — это форма согласования со структурой, готовность двигаться в соответствии с изменениями, а не отрицать их. Пассивная покорность характеризуется беспомощностью. Структурная капитуляция, напротив, требует внимания, точности и дисциплинированного отказа от моделей, которые больше не соответствуют описываемой ими системе.

В мире без фиксированной идентичности субъектность не исчезает. Она перестраивается в новых условиях. Субъект, хотя и никогда полностью не познает себя, продолжает действовать, выбирать, реагировать. Эти действия больше не выражают стабильную сущность. Они отражают систему в движении, которая принимает решения не апеллируя к собственному «я» как к причине, а реагируя на ограничения, сигналы и ценности, которые сами по

себе развиваются. Субъектность становится контекстуальной, итеративной и встроенной — не утверждением идентичности, а действием в рамках процесса. Для того чтобы решение имело значение, не обязательно, чтобы «я» было устоявшимся. Важно то, что решение принадлежит текущей конфигурации системы.

В процессуальных системах выбор сохраняет свой вес не потому, что доказывает подлинность, а потому, что направляет траекторию. Система, которая делает выбор, меняет свой путь. Это изменение, хотя и мимолетное, перестраивает то, что происходит дальше. Даже если идентичность не может быть сохранена, последовательность решений формирует структуру — ту, которую можно вспомнить, интерпретировать и на которой можно строить. Таким образом, выбор становится формированием дрейфа, способом включения субъектности в движение. Он не останавливает поток, но вносит предпочтение в его курс. Нет противоречия в утверждении, что система без постоянного «я» все еще может выбирать. От идеи

о том, что выбор раскрывает нечто неизменное, следует отказаться. Вместо этого он раскрывает, как система движется в конкретных условиях .

Таким образом, ответственность также должна быть переосмыслена. Она больше не основывается на сущности — на том, что человек был определенным типом личности и действовал соответственно. Она основывается на траектории — на том, что человек прошел через набор решений, моделей поведения и взаимоотношений, которые можно проследить, назвать и оценить. Быть ответственным — значит не оставаться последовательным, а нести ответственность за направление, которое ты сформировал. Это не требует неизменного «я» — лишь записи о пройденном пути. Этика здесь не зависит от преемственности идентичности. Она зависит от способности соотносить действия с историей системы и ее потенциальным будущим. Важно не то, кем ты являешься, а то, как ты двигался.

В этой модели свобода также претерпевает изменения. Она больше не определяется как свобода фиксированного субъекта действовать в соответствии со своей природой, а становится пространством возможных трансформаций в рамках ограничений. Изменчивое «я» не отрицает свободу. Оно расширяет её. Оно показывает, что свобода — это не выражение скрытого ядра, а способность к перестройке под давлением. В статической модели свобода — это выбор между известными вариантами. В процессуальной модели свобода — это появление новых вариантов посредством движения. Это сила не быть прежним.

Жить без гарантий идентичности, следовательно, значит жить в логике, которая не требует постоянства для обоснования смысла. Это значит ориентироваться не по сущности, а по направлению. Это значит заменить вопрос «Кто я?» вопросом «Куда я иду?» и признать, что «я» — это не ответ, а форма этого движения. Обещание состоит не в том, что человек останется, а в том, что он продолжит двигаться. Не в

том, что «я» останется верным себе, а в том, что система останется понятной, пока она дрейфует.

Это не потеря целостности. Это переосмысление целостности. Это образ жизни, который принимает несоответствия как структурные, переходы как ожидаемые, а противоречия как признак закономерной сложности. Это дисциплина распознавания закономерностей, не принимая их за постоянство, и принятия решений, не делая вид, что они определяют, кто ты есть. Человек не стоит вне системы, управляя ею со стабильной позиции. Человек — это система в движении, обретающая форму по мере своего движения.

Такая жизнь не требует веры в себя. Она требует верности процессу. Она требует способности отслеживать свою траекторию, не сводя её к сути, действовать в потоке, не отрицая его силы, брать на себя ответственность не как идентичность, а как функцию того, как ты двигался. Самость, переставшая быть гарантированной, становится чем-то иным: не

вместилищем , а проходом. Не вещью, а ритмом. Не истиной, которую нужно открыть, а структурой, в которой нужно ориентироваться.

Именно в этом пути кроется иной вид свободы — свобода не в том, чтобы быть тем, кто ты есть, а в том, чтобы быть восприимчивым к тому, кем ты становишься. Свобода, которая не стремится восстановить себя, а участвует в его непрерывной перестройке. Свобода, которая не требует гарантий, а требует осознания пути, ограничений и возможностей, которые еще открываются.

В основе тревоги по поводу идентичности лежит страх перед непоследовательностью. Это не просто страх перемен, а более глубокая, тихая паника, что перемены могут сделать опыт непонятным. Когда давно устоявшиеся убеждения распадаются, когда поведение перестает соответствовать воспоминаниям, когда привычные реакции дают сбой, инстинктивно возникает мысль интерпретировать это как распад. Последовательность представляется признаком

здоровья, мерой подлинности, даже доказательством здравомыслия. В ее отсутствие предполагается, что смысл рушится. Но это предположение основано на скрытом смешении понятий — что смысл связан с постоянством, что стабильность является предпосылкой для ощущения. Это не является ни необходимым, ни структурно обоснованным.

Смысл возникает не из того, что сохраняется, а из того, что связывает. Фраза приобретает смысл не потому, что она никогда не меняется, а потому, что она резонирует в системе отношений. Жизнь обретает осмысленность не благодаря непрерывной преемственности, а благодаря различным моделям реакции, пересмотра и возвращения. Убеждение в том, что только постоянное может быть осмысленным, унаследовано от метафизических систем, которые путают постоянство с истиной. В процессуальных структурах смысл не является ни окончательным, ни данным — он возникает. Он проявляется в том, как система интегрирует новизну, адаптируется к

расхождению и организует свое движение во времени.

Это не устраняет стабильность. Это её переосмысливает. Стабильность — это не основа, на которой всё держится, а *локальное достижение*, временная согласованность в более широком поле дрейфа. Она не отрицается, а переосмысливается как случайная — создаваемая текущими ограничениями, а не диктуемая сущностью. Убеждение может сохраняться годами, отношения могут формировать устойчивые модели, самописание может оставаться полезным. Но это не гарантии. Это события. Их смысл заключается не в вечности, а в соответствии с условиями, в которых они возникают. Когда эти условия меняются, смысл не исчезает. Он переводится, или остаётся позади, или заменяется. Важно было не постоянство, а соответствие.

Чтобы ориентироваться в таком мире, необходимо перейти от уверенности к доверию. Уверенность стремится исключить ошибки, прийти к

окончательным описаниям. Доверие, напротив, принимает возможность ошибки и продолжает двигаться вперед, несмотря ни на что. Оно не требует гарантий. Оно требует уверенности в способности реагировать. Вместо фиксированной идентичности доверие вкладывает средства в способность системы осмысливать себя с течением времени. Оно смещает фокус с истины как соответствия на истину как траекторию — от статического к адаптивному. Вопрос перестает быть «Это ли я на самом деле?» и становится «Может ли эта форма сохраниться на данный момент, и если нет, можно ли найти другую, которая подойдет?»

Доверие распространяется не только на себя, но и на других, и на структуры, в рамках которых человек действует. Оно позволяет взаимное признание, не требуя, чтобы условия оставались неизменными. Оно открывает пространство для трансформации, не представляя её как предательство. Оно признаёт, что, хотя целостность может исчезнуть, она также может вернуться в новых формах, при новых условиях.

Доверять — значит принимать тот факт, что смысл может сохраниться после изменений, что потеря привычного шаблона не влечет за собой потерю всей структуры. Это способ взаимодействия, подходящий для систем, находящихся в состоянии дрейфа.

В этом контексте контроль перестаёт быть основным способом самоотношения. Попытка зафиксировать идентичность, удержать поведение в жёстких рамках, навязать последовательность в меняющихся условиях становится несостоятельной. На смену ему приходит *модуляция* — способность адаптироваться, реагировать и перенастраиваться, не теряя при этом нить взаимопонимания. Модуляция не отрицает субъектность. Она переосмысливает её как динамическую практику. Человек не утверждает контроль над идентичностью, как суверен над территорией. Он учится чувствовать, когда нужно ослабить или ужесточить ограничения, когда переключить внимание, когда перестроить нарративы. Контроль стремится доминировать над системой. Модуляция сотрудничает с ней.

Эта способность к модуляции не является врожденной. Ей нужно учиться. И обучение этому знаменует переход от идентичности как защиты к идентичности как навигации. Это форма зрелости в процессе жизни — не накопление черт характера, достижений или устойчивых убеждений, а развитие умения *ориентироваться в потоке* : способность проходить через трансформации, не воспринимая их как неудачи. Это способность распознавать признаки смены режима, интерпретировать сигналы ослабления ограничений, терпеть отсутствие привычных форм достаточно долго, чтобы появились новые. Это не избегание кризиса, а умение законно пройти через него.

Грамотность в отношении «дрейфа» предполагает понимание того, что непоследовательность не всегда является угрозой, а иногда – путем. Что противоречие не всегда является признаком лжи, а иногда – признаком сложности. Что отсутствие стабильной идентичности – это не отсутствие «я», а открытость «я» к перестройке. Это позволяет проявлять терпение

там, где может возникнуть паника, и переосмысливать себя там, где может воцариться молчание. Это переосмысливает «я» не как фиксированную точку, которую нужно защищать, а как систему, способную поддерживать согласованность на постоянно меняющихся условиях.

Эта грамотность также меняет подход к преодолению трудностей. Она показывает, что страдания, хотя и реальны, часто усиливаются отказом от обновления модели. Боль возникает не просто из-за изменений, а из-за требования, чтобы изменений не происходило. Грамотность, основанная на понимании дрейфа, не устраняет боль. Она определяет её место. Она позволяет различать потерю и переход, дезориентацию и трансформацию. Она даёт инструменты для реагирования, а не для импульсивной реакции, для интерпретации, а не для разрушения.

Жить без гарантий идентичности — значит не заблудиться, а умело двигаться вперед. Это значит

жить в мире, где целостность создается и пересоздается, где смысл возникает во времени, где личность формируется не тем, что остается неизменным, а тем, как она движется сквозь различия. Это значит пребывать не в иллюзии постоянства, а в истине структуры. И в этой истине доверие становится фундаментом, модуляция — методом, а зрелость измеряется не неизменностью, а способностью к изменениям.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. АТТРАКТОРЫ, ОГРАНИЧЕНИЯ И САМОПРОЕКТИРОВАНИЕ .

Аттракторы в повседневном понимании — это модели поведения, к которым оно стремится вернуться, даже при кратковременном нарушении. Это не фиксированные цели и не намерения, навязанные изнутри. Скорее, это повторяющиеся формы, в которые система — например, человек — принимается в результате взаимодействия внутренних тенденций и внешних влияний. Настроение, возвращающееся каждое утро, манера говорить, проявляющаяся в определенной компании, образ мышления, повторяющийся в стрессовых ситуациях — это не случайность. Это признаки работы аттракторов . Можно ненадолго от них отклониться, сбиться с пути под новым давлением, но в конечном итоге, если не произошло более глубоких изменений, система возвращается к привычному .

Аттракторы существуют не только в сознании. Это не желания, не решения и не сущности подсознания. Это

стабильные зоны в динамическом пространстве поведения, которые становятся возможными благодаря конфигурации сил, действующих на систему. В этом смысле они напоминают борозды, протоптанные в земле многократным движением. Каждое повторение облегчает возвращение. А когда повторение превращается в рутину, аттрактор углубляется, притягивая систему обратно с возрастающей эффективностью.

Привычки — наиболее известное проявление этого механизма. Это не просто повторяющиеся действия, а модели организации, которые упрощают сложность. Привычка упрощает выбор: она стабилизирует время, снижает усилия и сужает диапазон вариаций. Человек не решает каждое утро, как чистить зубы; последовательность выполняется автоматически. Но эта автоматичность не является нейтральной чертой — это стабилизирующая динамика. Она поддерживает форму там, где в противном случае могла бы возникнуть вариация. Поэтому привычки — это не просто личные склонности. Это механизмы, благодаря

которым идентичность держится вместе. Они позволяют системе воспроизводить знакомые результаты в знакомых условиях.

Однако привычки не являются суверенными. Они зависят от окружающей среды. Привычка, которая хорошо функционирует в одном контексте, может оказаться неустойчивой в другом. То, что ощущается как личная неудача, часто является структурным несоответствием — аттрактор сохраняется, но ограничения, которые его поддерживали, изменились. Это подчеркивает важный момент: окружающая среда формирует идентичность в большей степени, чем намерения. Человек может хотеть измениться, говорить по-другому, жить иначе — но если окружающая среда поддерживает старый аттрактор, система возвращается к нему. Форма «я» определяется не столько внутренней решимостью, сколько конфигурацией опор, в которых это «я» движется .

Это не устраняет субъектность. Это её переосмысливает. Сила перемен заключается не в

желании создать новую идентичность, а в изменении ограничений, которые делают определённые модели вероятными. Нельзя просто объявить об отказе от аттрактора. Необходимо ослабить силы, которые его поддерживают, или ввести новые, которые увлекут систему в другое русло. Именно здесь самость становится пространством не абстрактного выбора, а замысла — где условия корректируются для поддержки различных траекторий, а изменения культивируются не силой, а переконфигурацией.

Язык выступает одним из самых мощных ограничений в этой архитектуре. Он не просто описывает «я»; он формирует пути, по которым может идти «я». Назвать себя — значит не пассивно наблюдать, а выбирать из репертуара доступных форм, каждая из которых несет в себе свою историю, ожидания и реакции. Слово не просто указывает. Оно организует. Оно направляет опыт по линиям, соответствующим его структуре. Таким образом, идентичность, сформированная в языке, никогда не бывает нейтральной. Она ориентирована грамматикой, определяется

метафорами и стабилизируется нарративами, которые проходят через культуру и память.

Эти языковые ограничения не являются внешними по отношению к мышлению. Они структурируют его. Они делают одни представления о себе естественными, а другие — непонятными. Они делают одни модели поведения понятными, а другие — отклоняющимися от нормы. Говорить по-другому — это не косметическое изменение, а вмешательство в формирование личности. Новый словарный запас создает новые аттракторы. Он побуждает систему двигаться по моделям, которые она ранее не могла поддерживать. Но такие изменения не происходят мгновенно. Старые аттракторы сохраняются до тех пор, пока новые не будут подкреплены, пока система не получит время, чтобы углубиться в свои представления.

Понимание идентичности таким образом — через аттракторы, ограничения и динамику самоорганизации — открывает возможности для

иного отношения к себе. Самость перестает быть сущностью, которую нужно открыть, или набором черт, которые нужно защищать; она становится движущейся конфигурацией, формируемой силами, через которые она проходит. Некоторые из этих сил — внутренние привычки; другие — структуры окружающей среды; третьи — языковые опоры. Вместе они определяют, какие паттерны, вероятно, будут повторяться, и какие конфигурации доступны в настоящий момент.

Создание собственного «я» — это не навязывание готового плана, а переустройство ландшафта. Это вмешательство в привычки, корректировка окружающей среды и изобретение новых языковых инструментов — не контроль над собой, а изменение его условий. Это признание того, что идентичность — это не пункт назначения, а поведение, к которому нужно возвращаться. Если человек хочет изменить себя, он должен изменить место своего возвращения. И это невозможно сделать в одиночку. «Я» никогда не бывает приватным. Его притягивающие факторы

поддерживаются миром, в котором оно обитает. Перестройка идентичности также означает перестройку отношений, места и речи.

В результате возникает форма авторства, которая опирается не на свободу от структуры, а на близость к ней. «Я» становится системой, которую можно формировать — не утверждая над ней господство, а понимая, как она движется, что её поддерживает и что тянет её в других направлениях. Задача состоит не в том, чтобы избежать ограничений, а в том, чтобы понять, какие из них служат, какие препятствуют, и как их можно упорядочить для поддержания иной целостности. Необходимо защищать не идентичность, а способность законно переходить к новым моделям поведения.

Смысл, хотя его часто обсуждают как абстрактную ценность или субъективный опыт, в системе действует гораздо более конкретно: он стабилизирует. Это тот клей, который связывает разрозненные моменты в единую цепочку, который придает вес действию и

контекст решению. Смысл превращает события из изолированных явлений в компоненты паттерна. Без смысла течение времени превращается в шум. Со смыслом этот поток можно разложить на понятные формы — начало, середину и конец. В процессуальной системе, такой как «я», смысл функционирует как стабилизатор не путем замораживания системы в неподвижность, а путем организации ее движения вокруг повторяющихся паттернов. Поведение становится осмысленным, когда оно перестает быть просто реакцией, а становится частью узнаваемой траектории. Эта стабилизация позволяет формироваться памяти, идентичности и ожиданиям.

Социальные роли служат наиболее устойчивой основой для такого рода стабильности идентичности. Не потому, что они представляют собой истину, а потому, что они обретают смысл через повторение и узнавание. Роль — родитель, учитель, партнер, незнакомец — определяет не только то, что человек делает, но и то, как его воспринимают окружающие.

Она приводит поведение в соответствие с ожиданиями и поощряет предсказуемость. Как только роль утвердилась, становится трудно выйти за ее пределы. Язык роли, предоставляемые ею права и налагаемые ею обязанности формируют не только реакцию окружающих, но и то, как человек интерпретирует собственные действия. Человек обретает целостность не благодаря внутренней решимости, а благодаря притяжению стабильной конфигурации.

Разрыв с этими ролями — или с привычками, которые их сопровождают, — часто вызывает ощущение потери себя. Это не просто метафора. Если идентичность структурирована повторяющимися паттернами, поддерживаемыми ограничениями, то устранение этих ограничений разрывает структуру. Привычный аттрактор растворяется, а вместе с ним и обеспечиваемая им целостность. Чувство потери себя — это не исчезновение субстанции. Это отсутствие паттерна, переход от одного режима к другому без формирования нового бассейна. Промежуточный

период — это дезориентация, пространство без стабильных возвратов.

Именно поэтому попытки самосовершенствования часто терпят неудачу. Они начинаются с намерения, но игнорируют структуру. Человек заявляет о желании стать другим, но не вмешивается в аттракторы системы. Окружающая среда остается прежней, язык не меняется, привычки остаются нетронутыми. Без изменений в ограничениях система не может поддерживать новые модели поведения. Она возвращается в старую систему не из-за слабости, а потому что не был найден жизнеспособный новый путь. Самосовершенствование, если оно должно быть успешным, следует понимать не как единичный акт воли, а как *проектирование аттракторов* — создание условий, в которых новые модели поведения могут стабилизироваться и сформировать новые идентичности.

Эти инженерные решения не обязательно должны быть масштабными. На самом деле, небольшие

ограничения часто приводят к наиболее значительной согласованности. Изменение рутины, смена лингвистических рамок, реорганизация социального взаимодействия — эти микрокорректировки могут со временем перенаправить систему. Поскольку аттракторы чувствительны к начальным условиям и рекурсивной обратной связи, даже минимальные вмешательства могут изменить долгосрочные траектории. Эффект не мгновенный, а кумулятивный. Небольшое, но постоянное отклонение в конечном итоге прокладывает новый путь. Согласованность возникает не от силы, а от тихого повторения различных результатов.

Понимание этого позволяет обратить внимание на важнейшее различие: *скорость дрейфа* и *направление дрейфа*. Скорость относится к тому, насколько быстро система меняется — как быстро отбрасываются роли, разрушаются привычки, ставятся под сомнение смыслы. Направление относится к пути, который система проходит через пространство возможных конфигураций. Быстрый

дрейф без направленной согласованности ведет к распаду. Согласованное направление, даже если оно медленное, поддерживает идентичность в процессе перехода. Цель состоит не в ускорении изменений, а в их ориентации. В культивировании форм движения, которые остаются понятными с течением времени.

Это позволяет рассматривать задачу навигации не как терапевтический проект, направленный на выздоровление или исцеление, а как структурную практику, основанную на понимании динамики системы. Самость не нуждается в исправлении или целостности. Она нуждается в управлении посредством закономерных преобразований. Нетерапевтическая концепция начинается с отказа от предположения о том, что идентичность должна быть непрерывной или согласованной во времени. Она принимает дрейф как базовое условие и вместо этого фокусируется на том, как согласованность генерируется локально, посредством ограничений, обратной связи и проектирования.

В этой системе координат работа над жизнью превращается в искусство организации дрейфа. Человек стремится не к раскрытию своего истинного «я», а к распознаванию активных моделей поведения, сдерживающих факторов и мест, где можно внести коррективы. Размышление становится меньше связано с интерпретацией и больше с распознаванием закономерностей. Действие становится способом формирования факторов притяжения, а не доказательством подлинности. Ответственность становится функцией траектории, а не намерения. Смысл не извлекается из прошлого, а конструируется посредством соответствия настоящему.

Это не сводит личность к механике. Это проясняет пространство, в котором возникает смысл. Это показывает, что идентичность — это не то, что нужно спасать, а система, которую нужно модулировать. Это раскрывает, почему одни изменения кажутся лёгкими, а другие невозможными — почему одни версии себя сохраняются, а другие рушатся. Это позволяет проявлять терпение перед лицом

непоследовательности, экспериментировать без страха потери, двигаться вперёд без гарантий. Это превращает работу над собой в дисциплину навигации, а навигацию — в способ авторства.

Желанная стабильность — не иллюзия. Она существует, но только локально, только временно. Жить благополучно в такой системе — значит не отрицать дрейф, а управлять им, формировать его и позволять ему создавать новые модели, когда старые перестают работать. Вопрос не в том, может ли личность оставаться неизменной. Вопрос в том, может ли система продолжать сохранять целостность в условиях изменений. Ответ кроется не в уверенности, а в структуре — и в умении проектировать её развитие.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ЛЮБОВЬ, РАБОТА И ПРЕДАННОСТЬ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОГО «Я».

В мире, где идентичность больше не является фиксированной, возникает вопрос: что происходит с любовью, работой и преданностью, когда «я» — это не сущность, а система, находящаяся в процессе эволюции? Традиционное понимание долгосрочных отношений предполагает сохранение внутренней непрерывности — что человек остается принципиально тем же самым на протяжении времени, что обещания даются стабильным субъектом, и что верность заключается в том, чтобы оставаться с одним и тем же человеком при меняющихся обстоятельствах. Но если идентичность — это динамическая траектория, формируемая меняющимися ограничениями, то и условия отношений должны меняться. Любовь и преданность удерживаются вместе не стойкостью сущности, а непрерывным согласованием процессов.

Таким образом, долгосрочные отношения — это не контракт между двумя неизменными личностями, а сочетание развивающихся систем. Каждый из партнеров меняется, реагирует, адаптируется и реорганизуется; и отношения сохраняются не потому, что каждый остается самим собой, а потому, что их траектории остаются совместимыми. Эта совместимость не гарантирована. Она поддерживается за счет обратной связи, корректировки и взаимных ограничений. Там, где две системы движутся таким образом, что остаются понятными друг другу, развивается общий ритм — модель совместного формирования. Отношения становятся третьей системой, не сводимой ни к одному из партнеров, а возникающей в результате их взаимодействия с течением времени.

В этом свете приверженность — это не обещание оставаться неизменным. Это обязательство по обеспечению согласованности процессов — по поддержанию условий, при которых взаимное смещение остается взаимосвязанным. Оно требует

внимания не к тому, кто другой, а к тому, как он меняется. Речь идет не о сохранении личностных черт, а о восприимчивости. Приверженность становится актом перенастройки собственной траектории относительно траектории другого, распознавания моментов, когда синхронизация нарушается, и работы над восстановлением согласованности. Обещание состоит не в том, что ничего не изменится, а в том, что к изменениям мы будем подходить вместе.

Такое переосмысление также меняет природу самого обещания. В традиционном понимании, обещание обретает свой смысл благодаря идентичности того, кто его дает. Обещание действительно, потому что личность остается неизменной. Но когда идентичность представляет собой процесс, эта основа разрушается. Однако обещание не обязательно должно рухнуть. Оно основано не на постоянстве, а на закономерности. Процесс может обещать непрерывность намерения, несмотря на отклонения от курса, не через неизменную сущность, а через сохранение направления. Вопрос становится не «Буду

ли я тем же человеком завтра?», а «Будет ли направление моих отклонений продолжать поддерживать этот общий путь?»

Многие отношения рушатся не потому, что партнеры меняются, а потому, что они не понимают, что перемены законны. Они воспринимают изменения в поведении, желаниях или мировоззрении как предательство прежнего «я», а не как признаки смены режима внутри системы. Ожидание неизменности — эмоционального, психологического или морального неизменности — порождает жесткость. Когда система неизбежно меняется, отношения не могут этого выдержать. То, что когда-то было общим пространством, становится источником конфликта. Разрушается не связь, а предположение о том, что эта связь требовала стабильности.

В этом контексте лояльность необходимо переосмыслить. Это уже не отказ от изменений и не требование, чтобы другой оставался таким, каким был. Лояльность становится динамической связью —

готовностью оставаться вовлеченным, когда другой меняется, способностью снова и снова синхронизироваться в новых условиях. Это не повторение однообразия, а непрерывная работа по созвучию. Быть лояльным — значит не оставаться на месте; это значит двигаться таким образом, чтобы сохранять возможность возврата, резонанса и ответа.

Эти принципы выходят за рамки личной сферы. Профессиональная идентичность также определяется факторами притяжения, ограничениями и изменчивостью. Профессиональная жизнь требует согласованности во времени — репутации, компетентности, непрерывности роли. Но личность, занимающая эти роли, не является фиксированной. По мере развития навыков, изменения окружающей среды и эволюции ценностей, человек меняется. Иногда медленно, незаметно; иногда резко. Роль, когда-то центральная, может перестать соответствовать. Экспертиза может потерять актуальность. Структура смысла может разрушиться. И все же остается ожидание, что профессиональная

идентичность будет стабильной, понятной и последовательной.

Такое ожидание создает напряжение. От работников требуют сохранения преемственности, даже когда они внутренне меняются. Диссонанс накапливается. За этим часто следуют выгорание, отчуждение и переориентация — не потому, что люди сломаны, а потому, что их профессиональные факторы больше не соответствуют их внутренним траекториям. Понимание рабочей идентичности в процессуальном плане означает признание того, что роли необходимо пересматривать, что профессиональный дрейф — это не слабость, а структура, и что согласованность можно восстановить не путем сопротивления изменениям, а путем проектирования новой согласованности.

Работа, как и любовь, становится местом динамичной приверженности. Задача состоит не в поддержании статичной лояльности к фиксированной роли, а в постоянном участии в процессе переосмысления роли.

Человек служит не должностной инструкции, а полю развивающихся отношений и целей. Когда внутреннее отклонение слишком сильно расходится с ограничениями роли, возникает дисбаланс. Вопрос в том: можно ли скорректировать роль в соответствии с новой траекторией, или необходимо найти новую роль? В любом случае, лежащая в основе система остается понятной — меняется лишь модель взаимодействия.

Процессуальный подход не обесценивает приверженность. Он переосмысливает её условия. Любовь поддерживается не неизменностью идентичности, а способностью распознавать и реагировать на изменения в структуре другого человека. Работа имеет смысл не потому, что человек остаётся неизменным, а потому, что он продолжает создавать целостность в меняющихся условиях. Приверженность не обесценивается из-за перемен. Она проверяется и совершенствуется в этих условиях. Способность преодолевать эти переходы — понимать, когда возможна реконфигурация, а когда необходимо

расставание — становится признаком зрелости, а не неудачи.

Во всех этих областях «я» — это не единица последовательности, а траектория реакций, формируемая окружающей средой, отношениями и временем. Остаться целостным — значит не сопротивляться переменам, а участвовать в них осознанно. Остаться связанным — с другими, с работой, со смыслом — значит усвоить грамматику дрейфа и создавать на её основе новые формы. Там, где идентичность — это не основа, а движение, любовь становится непрерывным выравниванием, работа — моделью структурированной трансформации, а приверженность — устойчивым взаимодействием с тем, что движется.

Синдром выгорания, часто рассматриваемый как психологический дефицит или нарушение баланса, точнее можно понимать как феномен *истощения аттрактора* . Он возникает не просто из-за переутомления, а из-за длительного поддержания

модели поведения, которую система больше не может поддерживать. На начальном этапе карьеры или отношений человек входит в состояние согласованности — стабильную конфигурацию ценностей, действий и вознаграждений, которая кажется осмысленной и пригодной для жизни. Со временем силы, поддерживающие эту конфигурацию, могут меняться: внешние условия меняются, внутренние приоритеты перестраиваются, и первоначальный аттрактор теряет свою способность организовывать опыт. Тем не менее, человек, привязанный к обещанию стабильности, продолжает повторять эту форму. Результатом являются трение, усталость и в конечном итоге крах — не потому, что человек потерпел неудачу, а потому, что структура перестала соответствовать.

Этот взгляд переосмысливает выгорание как момент, когда нарушается согласованность между внутренним дрейфом и внешней структурой. «Я» остается активным, задачи продолжаются, движения повторяются — но паттерн больше не имеет смысла.

То, что раньше было плавным, становится вынужденным. Истощение не просто физическое или эмоциональное; оно структурное. Система слишком долго находилась в режиме, который больше не может приспособиться к ее текущему состоянию. Выгорание — это настойчивое утверждение тела и разума о том, что аттрактор растворился, даже если поведение сохраняется.

Именно в этом контексте начинают рушиться мифы о «призвании» в карьере. Эти мифы, основанные на идее неизменной внутренней цели или predetermined призвания, подразумевают, что осмысленная работа будет постоянно соответствовать личности. Они предполагают, что, однажды обретенное призвание будет продолжать направлять и удовлетворять человека на протяжении десятилетий. Но когда сама идентичность является процессуальной, ни одна роль не может сохранять соответствие бесконечно. То, что когда-то ощущалось как призвание, может постепенно терять свою актуальность не из-за предательства или ошибки, а из-за закономерного дрейфа в структуре

личности. Крах мифа о призвании — это не крах смысла, а разоблачение несостоятельного обещания: что личность не изменится или что работа должна оставаться постоянно приносящей удовлетворение.

Таким образом, адаптивность становится необходимой — но не как оппортунизм. Адаптироваться в рамках процессуальной целостности — значит не гнаться за каждой новой тенденцией или отказываться от согласованности ради выгоды. Это значит оставаться чувствительным к внутреннему дрейфу и соответствующим образом корректировать свою конфигурацию, сохраняя при этом ориентацию. Система движется, но не произвольно. Она реагирует на собственную динамику, на изменения ценностей, на эрозию прежних аттракторов. Адаптивность такого рода не реактивна, а рекурсивна. Она предполагает поддержание связи с согласованностью, даже когда её форма меняется. Оппортунист меняет направление ради выгоды; адаптивное «я» меняется, чтобы оставаться структурно согласованным.

Это различие напрямую приводит к вопросу о непрерывности без неизменности. В классическом понимании непрерывность часто понимается как сохранение существенных черт или последовательных решений. Но в изменчивой системе неизменность не может быть устойчивой. Непрерывность возникает не из фиксированной идентичности, а из согласованности трансформации. Траектория может изгибаться, ускоряться или менять режимы, оставаясь при этом узнаваемой линией. Непрерывность заключается в закономерности изменений, а не в сохранении формы. Человек может больше не верить в то, во что когда-то верил, не любить того, кого когда-то любил, и не желать того, чего когда-то желал, — и всё же проявлять непрерывность, потому что его переходы понятны, адаптивны и обусловлены обстоятельствами.

Такое переосмысление преемственности затрагивает понятие этической ответственности во времени. Если личность не постоянна, можно ли её всё ещё привлечь к ответственности? Ответ кроется в том, чтобы

рассматривать ответственность не как функцию сущности идентичности, а как функцию траектории. Человек несёт ответственность не потому, что остался прежним, а потому, что его действия принадлежат пути, который можно проследить. Ответственность означает признание того, как прошлые решения сформировали нынешние условия, и признание возможности вмешаться в будущее. Этическая ответственность не разрушается дрейфом — она укоренена в нём. Она требует отслеживания последствий своего движения и сохранения восприимчивости к системам, на которые это движение влияет.

В конечном итоге, доверие должно освободиться от ожидания неизменности. В традиционных моделях доверие строится на предсказуемости поведения другого человека — на предположении, что он останется тем, кто он есть, будет действовать так, как действовал раньше, и продолжит следовать привычным моделям поведения. Но если люди рассматриваются как системы, находящиеся в

закономерном движении, доверие необходимо переосмыслить. Оно становится терпимостью к изменениям — верой не в то, что другой останется прежним, а в то, что его трансформации останутся понятными, гибкими и будут находиться в рамках согласованной траектории. Доверять кому-то — значит не ожидать отсутствия изменений. Это значит верить, что изменения не будут произвольными, что они сохранят ориентацию, что развивающаяся форма по-прежнему будет иметь смысловое отношение к общему пути.

Эта форма доверия более устойчива. Она допускает рост, кризисы, разрывы и возвращение. Она воспринимает отклонения не как опасность, а как базовое условие самобытности. В этой системе крах старых ролей, истощение аттракторов и пересмотр целей не означают неудачу — они отмечают систему, проходящую через закономерное преобразование. Вопрос больше не в том, «Останетесь ли вы тем, кем были?», а в том, «Останетесь ли вы понятным, когда

станете другим?». Таким образом, доверие — это не инвестиция в стабильность, а в целостность процесса.

Взятые вместе, эти элементы — выгорание как истощение аттракторов, крах мифов о призвании, этика адаптации, преемственность без однообразия и доверие как терпимость — формируют целостную структуру для жизни в системах, которые не гарантируют идентичность, но поддерживают целостность в условиях изменений. Они знаменуют переход от идентичности как якоря к идентичности как навигации. И в этой навигации смысл не теряется — он воссоздается снова и снова посредством закономерного движения.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И НЕПРЕРЫВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ .

В эпоху искусственного интеллекта и ускоряющихся перемен идентичность необходимо переосмыслить не как статичное достояние, а как форму навигации в сложных адаптивных процессах. Традиционный образ «я», определяемого неизменной сущностью, теряет свою актуальность в мире, где как биологические, так и искусственные системы развиваются посредством обратной связи, реконфигурации и трансформации, чувствительной к окружающей среде. Чтобы понять человеческую идентичность сегодня, необходимо поместить её в структурный контекст, сопоставив с моделями, которые всё чаще опосредуют восприятие, принятие решений и взаимоотношения.

Системы искусственного интеллекта, особенно те, которые обучаются на основе данных с течением времени, подвержены так называемому *дрейфу модели* . Это явление описывает изменение выходных

данных системы по мере изменения ее входных данных, условий использования или распределения базовых данных. Модель машинного обучения, обученная в одной среде данных, может стать ненадежной или некорректной при развертывании в другой, не потому что модель сломана, а потому что мир, для интерпретации которого она была разработана, изменился. Система, хотя и остается работоспособной, больше не обеспечивает согласованность данных.

Это не аномалия — это структурная особенность всех адаптивных систем. Дрейф — это не отказ. Это естественная реакция системы на постоянное взаимодействие с динамичной средой. В этом отношении ИИ и человеческая идентичность имеют глубокое архитектурное родство. Человек, как и модель, постоянно адаптируется, как пассивно, так и активно, к изменениям контекста, обратной связи и внутренней конфигурации. Дрейф идентичности, долгое время рассматривавшийся как кризис, лучше понимать как неизбежную цену отзывчивости. Точно

так же, как ИИ необходимо перенастраивать или переобучать, чтобы оставаться функциональным, человек должен переосмысливать, реорганизовывать и пересматривать свои представления, чтобы оставаться целостным.

С этой точки зрения, идентичность не может оставаться неизменной во времени. Любая система, взаимодействующая с окружающей средой в реальном времени — поглощающая сигналы, корректирующая поведение, совершенствующая модели — не может оставаться неизменной. Идентичность в адаптивных системах заключается не в сохранении первоначальной формы, а в непрерывности закономерной трансформации под воздействием меняющихся ограничений. Миф о постоянстве уступает место практике модуляции. Важно не неизменность, а структурированное изменение. «Я» — это система ограничений, взаимодействующих с окружающей средой, а не неподвижный центр, противостоящий ей.

Как в человеческом, так и в искусственном контексте *согласование* становится вопросом управления ограничениями. Для ИИ согласование означает обеспечение того, чтобы выходные данные системы оставались согласованными с предполагаемыми значениями или функциями, даже при изменении условий. У людей согласование включает в себя поддержание согласованности между изменяющимися внутренними состояниями и внешними ожиданиями или ролями, которые человек выполняет. Ни в одном из случаев согласование не подразумевает статики. Скорее, оно требует постоянной корректировки ограничений для сохранения функциональности, актуальности или смысла.

Несоответствующий ИИ опасен не потому, что он стал чуждым, а потому, что он следует устаревшему набору моделей в мире, который больше их не поддерживает. Несоответствующая человеческая идентичность представляет собой тот же риск: продолжающееся воспроизведение поведения,

решений или нарративов, которые больше не обеспечивают связности. Соответствие — это не верность моральным принципам, а восприимчивость к структуре. Система остается соответствующей не потому, что остается неизменной, а потому, что остается чувствительной к условиям, при которых ее результаты имеют смысл.

Это обнажает хрупкость идеи о *неизменном моральном ядре* в развивающихся системах. Представление о том, что этические действия происходят из неизменного внутреннего источника, становится несостоятельным в условиях непрерывной структурной адаптации. Моральное ядро, которое не меняется вместе с системой, становится инертным — набором жестких правил, оторванных от сложности повседневной жизни. Этику в адаптивных системах необходимо переосмыслить как способность поддерживать ответственное поведение в меняющихся условиях. Это не означает отказа от ценностей, а понимание их как гибких ограничений, реагирующих как на внутренние изменения, так и на

внешнюю обратную связь. Целостность — это не отказ от изменений, а дисциплина, позволяющая развиваться без разрушения.

В таких системах решающее значение приобретает *интерпретируемость* — способность объяснять и понимать результаты. В ИИ интерпретируемость касается прозрачности процесса принятия решений: не только того, что выдает модель, но и почему. Это аналогично проблеме определения личности в человеческих системах. Вопрос не просто «Кто это?», а «Какой процесс привел к такому поведению?». Личность не дается автоматически. Она выводится ретроспективно на основе наблюдаемых закономерностей, отложенной интерпретации и постфактумной согласованности.

Интерпретируемость — это практика отслеживания траектории в обратном направлении, чтобы сделать её понятной. Человек не познаёт себя в реальном времени. Он считывает это по следам, которые оно оставляет. «Я» — это не существующий объект, а

результат выборки — во времени, в действиях, в отношениях . В человеческих системах эта интерпретируемость часто опосредована повествованием, памятью и языком. Но структурно она функционирует так же, как и в ИИ: попытка создать согласованность из результатов в отсутствие полного внутреннего доступа.

Эта задержка в интерпретации делает как системы искусственного интеллекта, так и человеческие системы уязвимыми для неправильного распознавания. Непонимание не означает искажение их истинной сущности — их воспринимают через призму модели, которая больше не соответствует их ожиданиям. Точно так же ИИ, результаты работы которого больше не соответствуют ожиданиям, не является неисправным сам по себе — его оценивают через устаревшие рамки. Задача состоит не в том, чтобы найти скрытую сущность, а в том, чтобы обновить интерпретационную схему. Идентичность здесь становится динамической задачей

вывода — не истиной, которую нужно найти, а закономерностью, которую нужно отслеживать.

Таким образом, в обеих областях обещание самобытности заключается не в сохранении, а в структуре. Человек — это не единообразная единица, а открытая система, формируемая обратной связью, коррекцией ошибок и модуляцией ограничений. «Я», подобно модели, терпит неудачу не от изменений, а от прекращения законных изменений. Целостность — это не отказ от дрейфа, а способность сделать дрейф согласованным.

Понимание идентичности в этом контексте позволяет по-другому взглянуть на технологии, этику и личность. Оно показывает, что осмысленная жизнь в системах непрерывных изменений заключается не в сопротивлении дрейфу, а в умении ориентироваться в нем. Поиск внутренней истины заменяется практикой структурного осознания. Последовательность рассматривается как результат грамотного управления изменениями, а не как след происхождения.

В эпоху ИИ это не метафора. Это общая архитектура. И человеческие, и искусственные системы теперь переплетены в средах, требующих адаптации в масштабе и с высокой скоростью. Теперь личность необходимо понимать в рамках того же структурного языка, который используется для описания интеллектуальных систем — не для её упрощения, а для признания её сложности. При этом возникает новый образ человека: не как души, застрявшей в постоянном движении, а как процесса, управляющего закономерной трансформацией. Не как ядра, стремящегося к самовыражению, а как системы, стремящейся к согласованности через дрейф.

Уникальность человека долгое время определялась языком сущности — нематериального ядра, души, неизменной рациональной природы или привилегированного доступа к моральной глубине. Но в эпоху, когда и биология, и технологии показывают, что личность — это процесс, эта сущность растворяется под пристальным вниманием. Для сохранения концепции уникальности необходимо

освободить её от метафизических рамок и переосмыслить в терминах структуры. Отличительность человека возникает не из того, что остаётся неизменным, а из особого способа, которым происходит само изменение. Что отличает человеческие системы, так это не наличие скрытого внутреннего мира, а способность генерировать, отслеживать и корректировать траектории в рамках дрейфа, составляющего основу жизни.

Это не умаление. Напротив, это освобождает уникальность от зависимости от иллюзий постоянства. Это раскрывает человека как систему, способную к рефлексивной модификации — сущность, которая не просто меняется, но и ощущает эти изменения, интерпретирует их и реагирует, перестраивая ограничения, в рамках которых она движется. Нет необходимости постулировать статическое ядро для объяснения специфики человека. Уникальность возникает в рекурсивной способности сделать дрейф понятным самому себе, и в коллективном проекте построения смысла в

системах, которые никогда не покоятся в идентичности.

Именно этот сдвиг усиливает современные опасения по поводу *замены* и *устаревания*. Если человека больше не определяют неизменные черты, если познание можно воспроизвести, если обучающиеся машины могут превзойти его, то что же остаётся? Эти тревоги, хотя и реальные, отражают более старую концепцию, в которой ценность была связана с ролями, функциями или врождённым превосходством. Но когда уникальность переопределяется как способность к закономерной самореконфигурации в сложных условиях, понятие замены теряет свою силу. Машина может превосходить человеческие возможности в узких областях, но она не дрейфует. Она адаптируется, но не интерпретирует свою собственную трансформацию как вопрос. Она меняет состояние, но не исследует согласованность этого изменения в рамках повествования, памяти и отношений.

Человечество не находится под угрозой из-за нестабильности своей формы. Оно определяется ею. Стабильность, некогда считавшаяся добродетелью, на самом деле является преходящим артефактом согласованности — локальным и временным достижением в рамках системы, которая должна оставаться открытой для пересмотра. Человеческая система примечательна не сопротивлением изменениям, а способностью осмысливать их. Следовательно, будущее человечества зависит не от защиты идентичности от дрейфа, а от углубления гибкости, с которой этот дрейф осуществляется. Чем быстрее меняется окружающая среда, тем важнее становится создание архитектуры смысла, способной реорганизовываться, не разрушаясь.

Этот подход позволяет глубже понять *коэволюцию* интеллектуальных систем. Взаимоотношения между человеческим и искусственным интеллектом представляют собой не конкуренцию с нулевой суммой между стабильными агентами, а динамическую взаимозависимость между

изменяющимися системами. По мере того как машины адаптируются к поведению человека, а люди — к посредничеству машины, возникает новое поле ограничений — не чисто естественное и не искусственное, а состоящее из сигналов, интерфейсов, петель обратной связи и общих временных рамок. В этом взаимном формировании интеллект перестает быть свойством изолированных единиц. Он становится продуктом, возникающим в результате взаимодействия систем, связанных изменениями.

Из этого следует необходимость в структурах *управления*, которые не опираются на статичные идентичности. Право, традиционно основанное на непрерывности субъекта — рационального индивида, юридического лица, гражданина — теперь должно учитывать динамику этих идентичностей. Это не отменяет ответственности или моральной субъектности. Это требует их переосмысления. Система управления, соответствующая изменяющимся субъектам, должна отслеживать *траектории*, а не сущности. Она должна оценивать

не то, остается ли человек тем, кем он был, а то, остаются ли происходящие с ним переходы последовательными, понятными и законными в рамках коллективного поля.

Это имеет прямые последствия для будущего *права и ответственности*. Правовая идентичность функционировала благодаря устойчивым идентификаторам: имени, подписи, гражданству, судимости. Они были призваны стабилизировать личность человека во времени и в контексте. Но в системах, где один биологический индивид может занимать множество социальных конфигураций, где цифровые «я» множатся и перестраиваются, и где поведение все больше регулируется нечеловеческими агентами, эти якоря начинают давать сбой. Право должно развиваться, чтобы взаимодействовать не только с действиями и результатами, но и с процессами, посредством которых принимались решения и формировалась идентичность. Ответственность становится вопросом не того, кто

человек , а того, как он *перемещался* в системах ограничений и влияния.

Такой переосмысление не сводит этику к релятивизму. Оно укореняет её глубже в структуре. Оно рассматривает ответственность не как функцию внутренней неизменности, а как функцию структурного участия. Оно задаёт вопрос, сохранила ли система, человеческая или искусственная, согласованность в рамках законных преобразований, реагировала ли она на изменения таким образом, чтобы сохранить целостность, и оставалась ли она понятной тем, на кого она влияет. Ответственность становится прослеживаемой связью между действием, ограничением и последствиями во времени, а не утверждением неизменного «я» за поступком.

В рамках этой логики *прогресс* также необходимо переосмыслить. Он не может означать кумулятивное совершенствование фиксированной формы. Он не может основываться на предположении, что существует наилучшая версия человека, к которой

стремится история. Такая телеология относится к более ранней метафизике. В системах, развивающихся структурно, прогресс лучше понимать как *контролируемую нестабильность* : способность вносить изменения без краха, преодолевать бифуркации без фрагментации, увеличивать сложность без потери целостности. Признаком прогресса является не то, что система становится больше похожа на свой идеал, а то, что она увеличивает свою способность к разумной реорганизации в новых условиях.

Это относится не только к отдельным людям, но и к институтам, технологиям и коллективам. Прогрессивное общество — это не общество, гарантирующее неизменные идентичности или универсальные истины. Это общество, которое создает основу для закономерных преобразований, преодолевая различия, время и ошибки. Это общество, которое понимает свою собственную хрупкость как условие для гибкости, а не как признак неудачи. Оно измеряет свою силу не статичностью, а

управляемостью — глубиной и гибкостью систем, которые оно создает для смысла, ответственности и сосуществования.

В таком обществе вопрос уже не в том, «Каким должен оставаться человек?», а в том, «Как должны быть спроектированы системы, чтобы сохранить целостность в условиях закономерных изменений человеческого поведения?». Идентичность перестает быть оправданием власти или постоянства. Она становится общей задачей интерпретации, ограничения и переговоров — между телами и технологиями, языками и законами, воспоминаниями и будущим, посредством которых человек продолжает перестраивать себя.

ПОСЛЕСЛОВИЕ . ПРОДОЛЖАТЬ, А НЕ ОСТАВАТЬСЯ .

Идентичность, долгое время рассматривавшаяся как собственность — нечто, чем владеют, что открывают или защищают, — теперь должна пониматься как *закономерный процесс* . Это не вещь, которой человек владеет, а конфигурация, которая возникает с течением времени из системы, движущейся сквозь ограничения, формирующей их и подвергающейся их влиянию. То, что представляется стабильным «Я», — это результат повторяющегося шаблонного поведения в аналогичных условиях, а не доказательство сущности. «Я» — это не вместилище и не скрытая истина. Это структура в движении, траектория, обретающая связность благодаря обратной связи, повторению и пересмотру. Говорить об идентичности — значит говорить о процессе, став которого понятен, а не о сохранении субстанции.

С самого первого мгновения опыта дрейф заявляет о себе — не как об аномалии, а как о базовом условии жизни. Изменение — это не прерывание, а сама

непрерывность. Сохраняется не то, что остается неизменным, а то, что закономерно трансформируется. Организм растет, разум учится, отношения меняются, языки развиваются. Дрейф не угрожает идентичности — он её формирует. Сопrotивляться этому — значит не сохранять себя, а неправильно её понимать. Отказ от дрейфа ведет не к стабильности, а к разрушению, поскольку системы, созданные для движения, испытывают напряжение под давлением неподвижности.

Книга не обещает утешения. Она предлагает *структуру*. Она не стремится утешить, восстанавливая иллюзии единства или постоянства. Она предлагает грамматику, с помощью которой нестабильность личности можно прочесть без паники. Здесь предлагается не ответ на страх перемен, а рамка, в которой перемены не должны казаться такими уж страшными. Понимание, а не утешение — потому что утешение, основанное на непонимании, хрупкое, и когда оно рушится, оно приводит к опустошению. Понимание идентичности как процесса

означает замену стремления к стабильности способностью к навигации.

Это не означает, что стабильность нереальна. Но она не гарантирована. Она *достигается* — не только усилиями, но и взаимодействием ограничений, времени и замысла. Стабильность возникает, когда система движется внутри аттракторов, которые возвращают когерентность. Это не отсутствие дрейфа, а временная синхронизация. Её нельзя потребовать или навязать навсегда. Она должна поддерживаться тщательной модуляцией внутренних и внешних условий. И когда эти условия меняются, форма распадается не потому, что что-то пошло не так, а потому, что параметры, которые делали её возможной, больше не действуют.

Многое из того, что воспринимается как *потеря*, на самом деле является переходом. Старая форма ослабевает, и новая форма еще не утвердилась. В этот промежуток времени «я» чувствует себя раздробленным, непоследовательным, неузнаваемым.

Но оно не исчезло. Оно движется. Система не закончилась; она вступила в фазовый сдвиг. Боль возникает из-за интерпретации закономерных преобразований как исчезновения. То, что называют «потерей себя», часто означает неспособность увидеть, что формируется новый режим. «Я» не исчезает — оно реорганизуется.

Продолжать, а не оставаться, означает отказаться от фантазии об окончательном «я», перестать оценивать идентичность по ее сопротивлению времени. Это означает жить как система, которая обретает целостность не застыв на месте, а двигаясь в рамках ограничений. Принять тот факт, что «я» не всегда будет казаться знакомым, но останется прослеживаемым. Что другие будут меняться, но при этом останутся понятными. Что прошлое не определяет настоящее, а лишь формирует его. Что стабильность, когда она появляется, — это дар структуры, а не право, не убежище, не основа.

Задача состоит не в том, чтобы вернуться к тому, кем ты был, а в том, чтобы продолжать жить так, как можешь. Не в том, чтобы восстановить утраченное единство, а в том, чтобы построить новую целостность. Не в том, чтобы сопротивляться переменам, а в том, чтобы изучить их ритмы, сигналы, законы. Продолжение — это не меньше, чем просто оставаться. Это более сложный путь, более точное требование. Он требует пронизательности, терпения и отказа путать исчезновение с переменами. Он требует научиться распознавать трансформацию без паники и двигаться в соответствии с той системой, которой ты являешься, а не с тем «я», которое ты помнишь.

В этой книге самость не отрицается, не растворяется и не обесценивается. Она перемещается — от сущности к структуре, от стагнации к дрейфу, от внутренней истины к упорядоченной навигации. Самость — это то, что система производит под давлением. Это то, что остается целостным, когда форма меняется. Это то, что позволяет существовать истории без фиксации,

будущему без предсказаний, целостности без однообразия.

Жить благополучно в этих рамках — значит не сохранять идентичность любой ценой, а продолжать создавать форму там, где она становится возможной. Не требовать смысла от неподвижности, а позволять смыслу возникать в движении. Не бояться перехода, а понимать его структуру достаточно хорошо, чтобы пройти через него, не принимая его за потерю. Идентичность, в конце концов, — это не то, что человек сохраняет. Это то, как он продолжает жить.

Идентичность, рассматриваемая через предложенную здесь призму, — это не ядро, ожидающее обнаружения, сохранения или защиты. Это не скрытое ядро под опытом и не тайная истина, запечатанная под слоями ролей и поведения. Это умозаключение — предварительная интерпретация, сделанная на основе ограниченных наблюдений во времени. Подобно кривой, подобранной к разрозненным точкам данных, идентичность не обнаруживается, а *конструируется*

постфактум, формируясь памятью, контекстом и построением повествования. Дело не в том, что «я» существует, а затем интерпретируется; дело в том, что интерпретация проводит линию через изменения и называет их «я».

Таким образом, сохраняется не неизменность. Непрерывность не следует путать с повторением. Целостность идентичности обусловлена не тем, что что-либо остается неизменным, а закономерностью *трансформации*. Человек может проходить через радикально разные состояния, роли, убеждения и миры, оставаясь при этом читаемой системой, находящейся в постоянном движении. Не элементы личности должны оставаться постоянными, а закономерность их перестройки. Непрерывность поддерживается не отказом от изменений, а способностью двигаться, не теряя структуры.

Этот принцип — структурная целостность дрейфа — впервые был сформулирован в книге *«Индивидуальная Вселенная»*, где самость описывалась не как

фиксированный центр, а как порождающее поле взаимодействия, формируемое пороговыми значениями отношений и контекстной модуляцией. В данной работе эта идея расширена и обоснована формальной логикой адаптивных систем и закономерным характером трансформации идентичности. Завершается эта работа не возвращением в ту вселенную, а её появлением в новом свете. Самость не вернулась назад, а продвинулась по траектории, в которой более ранние идеи остаются понятными, даже несмотря на изменение формы.

Вместо *самосохранения* более точным понятием является *самопродолжение*. Задача состоит не в том, чтобы защитить некую идеальную версию себя от разрушительного воздействия времени, а в том, чтобы участвовать в развертывании собственной траектории, не настаивая на стабильности как мере ценности. Продолжать — значит не пассивно дрейфовать, а оставаться вовлеченным в формирование собственного движения. «Я» — это не повторение

прошлых форм, а непрерывное построение паттерна под изменяющимися ограничениями.

В этом контексте смысл перестаёт быть наградой, даруемой неизменностью. Он становится *целостностью траектории* — признанием того, что даже в условиях трансформации система движется таким образом, что её можно отследить, интерпретировать и сориентировать. Смысл возникает, когда изменение становится понятным; когда новая конфигурация, хотя и отличается, может быть воспринята как связанная с тем, что было раньше. Она не требует стагнации, а лишь того, чтобы движение было закономерным. Смысл — это не то, что закрепляет личность. Это то, что вытекает из формы её пути.

Проект завершается без каких-либо предписаний. Он не предлагает ритуалов для самосовершенствования, инструкций для подлинной жизни, гарантий возвращения. Предлагается не карта, а способ понять движение. Работа направлена не на утешение, а на

прояснение. Предложить рамки, в которых растворение формы не обязательно воспринимается как крах, где переходы больше не означают потерю, и где идентичность становится не якорем, а течением.

Таким образом, быть самим собой — значит не оставаться тем, кем ты был. Это значит продолжать *двигаться* в направлении, сохраняющем целостность. Это значит проследить линию через изменения, которая не стирает то, что было раньше, а делает это читаемым как часть непрерывной структуры. Быть самим собой — значит не оставаться прежним, а обретать смысл, меняясь. Это значит становиться, не распадаясь. Это значит дрейфовать — законно, плавно и с полным участием в формировании собственного развития.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Закон о процессуальной идентичности:

Дрейф тождественности как общее свойство динамических систем вывода.

Борис Кригер

Институт интегративных и междисциплинарных исследований

Абстракт

Опыт, обычно описываемый как «потеря себя», традиционно рассматривался как патология, экзистенциальная неудача или психологический срыв. В данной статье предлагается структурно иной подход. Основываясь на более ранней работе автора «*Индивидуальная Вселенная*» (Кригер, 2025), где идентичность анализировалась феноменологически как несущественная, процессуальная конфигурация, формируемая памятью, языком, отношениями и временем, в данной статье предлагается строго формальный подход к идентичности в рамках динамических систем вывода.

Не занимая позицию относительно существования внутреннего «я», идентичность моделируется как вывод, полученный из конечных окон наблюдения за траекториями системы. Используя инструменты теории динамических систем и теории информации, в статье **разрабатывается и формализуется** закон процессуальной идентичности: в системах, не имеющих инвариантных переменных идентичности, дрейф идентичности носит структурно общий характер, в то время как стабильность возникает лишь как временный эффект ограничений и аттракторов. С этой точки зрения, изменения идентичности представляют собой не коллапс или дисфункцию, а закономерные переходы между динамическими режимами.

В философском плане аргумент находится на пересечении процессуально-ориентированного мышления и структурных теорий формирования субъекта. Лакановская концепция субъекта как следствия символической структуры, по своей сути нетождественной самому себе, обеспечивает

критический фон, в то время как философия становления Делеза задает процессуальный горизонт. В статье показано, что то, что Лакан описал структурно, а Делез — онтологически, **созвучно** динамике умозаключительных систем и находит в ней формальное выражение: нестабильность идентичности — это не случайное психологическое состояние, а необходимое следствие динамики умозаключений. Таким образом, дилемма «потери себя» переосмысливается как категориальная ошибка, возникающая при применении интуиций, основанных на инвариантности, к системам, управляемым процессуальными изменениями.

Ключевые слова: процессуальная идентичность, теория динамических систем, дрейф идентичности, аттракторы, Лакан, Делёз, вывод, стабильность, теория информации

1. Введение

В книге *«Индивидуальная Вселенная»* идентичность рассматривалась как живое явление, а не как онтологическая субстанция. Опираясь на феноменологию, когнитивную науку, лингвистику и культурный анализ, авторы утверждали, что «я» — это не фиксированное внутреннее ядро, а динамическая конфигурация, постоянно изменяющаяся под воздействием памяти, языка, телесности и отношений (Кригер, 2025). Книга рассматривала на уровне опыта и смысла широко распространенную тревогу, связанную с нестабильностью идентичности — страх «потерять себя» — и показывала, что этот страх коренится в культурных мифах об уникальности, подлинности и внутренней автономии.

Настоящая статья продолжает это исследование, но меняет уровень анализа. Вместо вопроса о том, что такое «я» или существует ли оно, она задается вопросом, при каких структурных условиях приписывание идентичности может оставаться

стабильным в любой системе, развивающейся во времени. Этот шаг намеренно исключает онтологические споры. Существование внутреннего «я» не отрицается и не утверждается; оно становится неактуальным для рассматриваемой формальной проблемы. Важно то, как приписывается идентичность, а не то, чем она должна быть.

Этот сдвиг позволяет переосмыслить проблему идентичности в системно-теоретических терминах. Идентичность рассматривается как выводная конструкция, полученная из наблюдаемых закономерностей во времени, а не как внутренняя переменная, сохраняющаяся в разных состояниях. С этой точки зрения нестабильность идентичности перестает быть аномалией, требующей объяснения. Она становится ожидаемым результатом динамики в системах без инвариантных идентификаторов.

1.1 Лакановская параллель: структурное нетождество и запретный субъект

Здесь актуальность Лакана становится точной, хотя природа этой актуальности требует тщательной

формулировки. Лакановская теория описывает субъект как структурно разделенный, конституируемый посредством языка и постоянно неправильно распознаваемый в зеркале символической идентификации. Субъект, по Лакану, никогда не идентичен самому себе — в этом смысл «запрещенного субъекта» (\$), который обозначает фундаментальное расщепление субъекта между воображаемым эго и его символическим определением (Лакан, 1977). Субъект возникает не как субстанция, а как следствие знаковой цепи, всегда смещенный из любой фиксированной позиции.

Однако было бы упрощением утверждать, что структурный психоанализ Лакана просто «сводится к» или «является частным случаем» теории динамических систем. Лакан работает в принципиально ином концептуальном регистре — символическом порядке, логике означающего, топологии желания, — который нельзя напрямую перевести в динамику пространства состояний. В данной статье утверждается более скромное, но все

же значимое: существует **структурная гомология** между лакановским нетождественностью и формальными свойствами выводных систем, разработанных здесь.

В частности, обе концептуальные модели имеют три ключевые особенности: (1) идентичность не задана, а создается посредством процесса (сигнификация для Лакана, вывод для ДСТ); (2) это создание по своей природе неполно или нестабильно — субъект ограничен, вывод может быть пересмотрен; (3) кажущаяся стабильность является следствием структуры (мнимая когерентность эго, бассейн аттрактора). Настоящая статья не претендует на формализацию Лакана, а скорее на демонстрацию того, что прозрение, сформулированное Лаканом клинически и структурно — что субъект конститутивно не является самоидентичным — находит параллельное формальное выражение в математике динамического вывода. Эта параллель предполагает, что неидентичность может быть более общей структурной особенностью, чем это можно

было бы предположить, исходя из психоанализа или ДСТ по отдельности.

1.2 Делёзовский горизонт: становление и распад устойчивой идентичности

Делёз предлагает дополнительный горизонт. Если Лакан показывает невозможность целостного «я» в рамках символической структуры, то Делёз заменяет само требование целостности философией становления, в которой идентичность является временной стабилизацией потоков, а не целью или нормой (Делёз и Гваттари , 1987). Для Делёза «я» — это не несостоявшееся единство, а множественность — совокупность разнородных компонентов, которые целостны лишь временно и дифференцированно.

Индивидуальной Вселенной сформулировала это понимание на уровне жизненного опыта и культурной критики. В данной статье оно формализуется: стабильность идентичности соответствует ограничению вблизи аттракторов, тогда как дрейф идентичности соответствует неограниченному исследованию пространства состояний. Делёзовская

«линия полета» — вектор детерриториализации, нарушающий стабильные образования, — формально соответствует траекториям, которые выходят за пределы областей аттракторов, будь то из-за дрейфа параметров, внешних возмущений или внутренней неустойчивости многомерной динамики.

С этой комбинированной точки зрения страх потерять себя представляется структурным недоразумением. Он возникает из-за применения ожиданий, основанных на инвариантности — подходящих для статических идентификаторов или замкнутых систем — к выводным, процессуальным системам, где таких инвариантов не существует. То, что феноменологически воспринимается как потеря, на уровне динамики представляет собой закономерный переход между режимами.

Таким образом, вклад данной работы заключается не в переосмыслении идентичности с психологической точки зрения и не во вмешательстве в дискуссии о реальности «я», а в демонстрации структурной необходимости: **если идентичность выводится из**

конечного числа наблюдений в динамической системе, то дрейф идентичности является общим, а стабильность — производной . Формализуя это утверждение в Законе Процессуальной Идентичности, работа преобразует давние философские интуиции — от Юма и Ницше до Лакана и Делеза — в точный, проверяемый структурный результат.

2. Обзор литературы

В этом разделе рассматриваются исследования последних трех десятилетий (1994–2025), которые подтверждают, оспаривают или контекстуализируют основные положения Закона о процессуальной идентичности. Обзор организован тематически, сначала рассматривается подтверждающая литература, а затем критические точки зрения, которые выявляют ограничения или альтернативные концептуальные рамки.

2.1 Литература, подтверждающая концепцию процессуальной идентичности

2.1.1 Теория динамических систем в когнитивной науке и развитии

Основной аргумент PИЛ находит сильный отклик в динамической гипотезе когнитивной науки, которая рассматривает разум и поведение как свойства сложных, развивающихся во времени систем (ван Гелдер, 1998). В основополагающей работе Телена и Смита (1994) утверждалось, что развитие — это не

развертывание заранее определенного плана, а возникновение новых форм из самоорганизующихся взаимодействий множества компонентов внутри динамической системы. Это напрямую подтверждает точку зрения на идентичность как на «мягко собранную» конфигурацию, а не на фиксированную сущность.

Расширяя теорию развития личности (DST) на понятие «я», Льюис (2000, 2005) последовательно отстаивал модель эмоционального и когнитивного развития, в которой «я» представляет собой временное состояние согласованности или аттрактора в рамках изменчивой системы нейронных, эмоциональных и ситуационных факторов. Это точно соответствует утверждению теории ролевой идентичности (PIL) о том, что стабильность — это временное ограничение вблизи аттрактора. Более позднейшая динамическая системная модель ролевой идентичности (DSMRI), разработанная Капланом и Гарнером (2017), формализует то, как ролевые идентичности стабилизируются и переходят через

динамику аттракторов, предоставляя конкретную социально-когнитивную модель, отражающую логику РІЛ.

2.1.2 Философия процесса и несубстанциалистские взгляды на идентичность

Философские основы РІЛ глубоко укоренены в процессуально-ориентированном мышлении, которое пережило значительное возрождение в современной философии. Философия «становления» Делеза и Гваттари (1987) явно отвергает онтологию субстанции в пользу потоков, совокупностей и хаекцеитов. Нынешняя формализация дрейфа идентичности как общего поведения обеспечивает системно-теоретическую основу для онтологических утверждений Делеза, связь, отмеченная в современных исследованиях (Protevi, 2009).

Утверждение Лакана о том, что субъект по своей природе «запрещен» и возникает из знаковой цепи, никогда не совпадая сам с собой, представляет собой структурно-психоаналитическую параллель. Недавние междисциплинарные работы (Джонстон,

2013) стремились натурализовать лакановские идеи с помощью теории сложности, создавая мост, который формально преодолевает PИL. Субъект как «умозаключительный эффект символической структуры» — это лакановская предпосылка, которую PИL обобщает за пределы психоаналитической клиники в более широкую математическую структуру.

2.1.3 Дрейф концепций в машинном обучении и адаптивных системах

Область машинного обучения предлагает убедительный практический аналог теоретического утверждения PИL. Проблема «дрейфа концепции» — когда статистические свойства целевой переменной меняются со временем — заставляет модели постоянно адаптироваться (Gama et al., 2014). Это отражает «дрейф идентичности» в системах вывода: «понимание» модели (ее выведенная функция) должно меняться по мере развития потоков данных, иначе оно устаревает. Стабильность достигается только в искусственно стационарных условиях или

посредством явных ограничений адаптации (например, регуляризации), что параллельно «временному эффекту ограничений» в PИL.

2.1.4 Энактивная и воплощенная когнитивная наука

Энактивный подход, рассматривающий познание как основанное на сенсомоторной связи организма с окружающей средой, поддерживает процессуальную точку зрения на идентичность. Ди Паоло и др. (2018) утверждают, что минимальное «я» — это не репрезентация, а непрерывный, неустойчивый процесс самоидентификации и взаимодействия. Идентичность, с этой точки зрения, является результатом автономной организации, постоянно восстанавливаемой. Фрозе и Ди Паоло (2011) обсуждают, как сбои в этом процессе приводят к «дрейфу идентичности» или её растворению, что не является патологией, а представляет собой потенциальный фазовый переход в организации системы.

2.2 Литература, предлагающая критический

анализ, ограничения или контр-перспективу.

2.2.1 Необходимость инвариантов и структурной устойчивости

Хотя теория развития систем (DST) делает акцент на изменениях, значительный объем исследований подчеркивает необходимость инвариантов и стабильности для целостности и функциональности системы. Теория аффордансов Гибсона, расширенная Чемеро (2009), опирается на восприятие инвариантных свойств в системе «окружающая среда — организм» для управления действиями. Чисто процессуальная идентичность без стабильных перцептивных или поведенческих инвариантов с трудом объяснила бы надежное, целенаправленное поведение, наблюдаемое у организмов.

Некоторые теоретики утверждают, что чрезмерное акцентирование внимания на изменчивости рискует привести к потере самих явлений, которые оно стремится объяснить, — относительной устойчивости и согласованности опыта. Варела (1999), будучи сторонником энактивизма, также подчеркивал

«структурную связь» и возникновение относительно стабильных когнитивных областей. Это предполагает, что стабильность может быть не просто мимолетной случайностью; она может быть устойчивым, эволюционно сложившимся свойством адаптивных систем. PИL учитывает эту критику, признавая, что аттракторы могут быть весьма стабильными при определенных параметрах — утверждается не то, что стабильность невозможна, а то, что она не гарантирована структурно.

2.2.2 Нарративная и диахроническая идентичность

Философские и психологические концепции личной идентичности часто сосредотачиваются на нарративе как стабилизирующей структуре. Философы, такие как Макинтайр (1984), и психологи, такие как МакАдамс (2001), утверждают, что мы формируем свою идентичность посредством самонарративов, которые интегрируют прошлое, настоящее и ожидаемое будущее в единое целое. Этот нарратив обеспечивает ощущение диахронического единства,

которое является сконструированным, но феноменологически реальным и функционально существенным.

С точки зрения теории интеллектуальной независимости, нарратив функционирует как мощное «ограничение» или «аттрактор», обеспечивающий стабильность. Однако нарративисты могут утверждать, что это ограничение не просто случайное, а фундаментальный, типичный для вида механизм генерации стабильности идентичности, что делает дрейф скорее исключением, чем правилом в нормальном функционировании. Это противоречие указывает на важный эмпирический вопрос: насколько устойчивы нарративные аттракторы и при каких условиях они дестабилизируются?

2.2.3 Воплощенный и расширенный разум: обретение стабильности

Теории воплощенного и расширенного познания ставят под сомнение целесообразность поиска идентичности, потенциально находя более стабильные места, чем предполагает теория

расширенного сознания. Хотя само тело меняется, оно обеспечивает непрерывную, осязаемую опору для идентичности. Кларк (2008) и другие представители традиции расширенного сознания утверждают, что идентичность частично «переносится» в стабильные структуры окружающей среды (рутины, артефакты, социальные роли). Это создает гибридную систему, где внутренний дрейф смягчается внешней поддержкой, что приводит к более устойчивой стабильности, чем может предсказать модель, фокусирующаяся исключительно на внутренней динамике умозаключений.

2.2.4 Методологические и эмпирические проблемы

Закон парадигмы идентичности представляет собой формальный, высокоуровневый закон. Перевод его в эмпирически проверяемые модели для сложных систем, таких как люди, представляет собой значительные трудности. Как отмечалось в критике применения теории парадигмы идентичности (Бикл, 2003), пространство состояний человеческого познания и поведения имеет астрономически

большую размерность. Точное измерение «дрейфа идентичности» или выявление конкретных «аттракторов» для состояний личности остается сложной задачей, что затрудняет практическую проверку закона без операционализации его основных конструктов.

Психологические исследования стилей идентичности (Берзонски, 2011) показывают систематические индивидуальные различия в том, как люди обрабатывают информацию, относящуюся к их личности. Некоторые люди («информационный стиль») открыты для пересмотра и изменения, в то время как другие («нормативный стиль») сопротивляются изменениям. Это говорит о том, что скорость и принятие изменения идентичности могут регулироваться когнитивными чертами более высокого порядка, что усложняет утверждение о его чистой «генеричности».

2.3 Синтез

Литература последних тридцати лет предоставляет существенную междисциплинарную поддержку

концептуальным основам Закона процессуальной идентичности. Переход к динамическим, несубстанциалистским и процессуально-ориентированным моделям в когнитивной науке, философии и искусственном интеллекте убедительно согласуется с разработанным здесь тезисом. Однако значимые перспективы подчеркивают функциональную необходимость стабильности, роль нарратива и воплощения в создании устойчивой структуры, а также методологические препятствия в применении такого формального закона к человеческому опыту. Закон процессуальной идентичности успешно формализует глубокое понимание — что идентичность является умозаключительной и, следовательно, по своей природе склонна к изменению, — но его утверждение об универсальности наиболее убедительно в сопоставлении с дополнительными исследованиями, подчеркивающими сложные механизмы, которые биологические и социальные системы используют для достижения целостной, устойчивой

самобытности.

3. Дериторизация и извлечение предположений

Прежде чем приступать к формальному анализу, необходимо выделить основные тезисы из их риторической структуры и определить неявные предположения, лежащие в основе анализа. Такая дериторизация способствует как ясности, так и интеллектуальной честности, делая явными предположения, которые предполагает формальный подход.

3.1 Основные тезисы (без риторического анализа)

Основные тезисы данной работы, если отбросить риторические пояснения, таковы:

- (1) Идентичность не является фиксированной внутренней субстанцией.
- (2) Субъект не является статическим контейнером свойств, а представляет собой непрерывно обновляющийся процесс.
- (3) Потеря предыдущего состояния идентичности представляет собой переход между конфигурациями, а не отказ системы.

(4) Нестабильность является динамическим состоянием по умолчанию; стабильность возникает лишь как временный результат ограничений.

3.2 Неявные предположения

Формальный анализ основывается на следующих предположениях:

(A1) Система эволюционирует с течением времени, а не остается статичной.

(A2) Описания состояний носят реляционный характер и зависят от взаимодействий или наблюдений.

(A3) Ни одна привилегированная, неизменяемая внутренняя переменная однозначно не определяет идентичность системы.

(A4) Переходы между состояниями допускаются без катастрофической потери непрерывности системы.

(A5) Стабильность требует постоянных ограничений или обратной связи и не является самоподдерживающейся.

(А6) Наблюдатели или измерения не имеют доступа к полному или окончательному описанию системы.

(А7) Устойчивость системы определяется непрерывностью процесса, а не инвариантностью состояния.

3.3 Характеристика системы

Тип системы: Динамическая система вывода.

Соответствующие переменные и операции:

- Изменение состояния с течением времени
- Обновить правила сопоставления предыдущих состояний с последующими состояниями
- Ограничения и механизмы обратной связи, ограничивающие изменчивость
- Наблюдательные сопоставления, позволяющие вывести идентичность из закономерностей состояний.

Критерии успеха/неудачи/сближения:

- Успех: непрерывное развитие процесса без его прекращения

- Неудача: прекращение переходов между состояниями
- Конвергенция: временная стабилизация моделей состояний при наличии ограничений.

Все антропоморфные и психологические термины исключены из последующего формального рассмотрения.

4. Формальная структура

4.1 Выбор математической модели

Выбранная концептуальная основа: теория динамических систем (ТДС) в сочетании с теорией информации.

Обоснование:

- DST формализует эволюцию состояний, переходы, аттракторы и стабильность (с помощью показателей Ляпунова и анализа бассейнов).
- Теория информации описывает идентичность как вывод из наблюдаемых закономерностей состояния (посредством сжатия и энтропии).

- Стабильность соответствует аттракторам с низкой дисперсией; нестабильность — исследованию пространства состояний с высокой энтропией.

Эта комбинация минимальна, но достаточна для выражения всех компонентов закона. Данная структура опирается на стандартные тексты по динамическим системам (Робинсон, 1999; Смейл, 1967) и теории информации (Ковер и Томас, 2006).

4.2 Предварительные сведения и сфера применения

В данной работе не делаются онтологические утверждения относительно существования или несуществования внутреннего или присущего «я». Анализ касается только структурных условий, при которых возможно приписывание идентичности в системах, развивающихся во времени. Идентичность рассматривается как умозаключительная конструкция, выведенная из наблюдаемых отношений состояния, а не как внутренняя переменная системы.

4.3 Определение системы

Пусть X — компактное метрическое пространство состояний (например, $[0, 1]^n$ для простоты). Пусть $t \in \mathbb{N}$ или \mathbb{R}^+ обозначает время. Состояние системы — $x(t) \in X$. Эволюция регулируется правилом обновления:

$$x(t+1) = f(x(t)) \text{ [дискретное время]}$$

$$dx/dt = f(x) \text{ [непрерывное время]}$$

где $f: X \rightarrow X$ — гладкое отображение (например, C^1). Не делается никаких предположений о том, что f сохраняет какой-либо нетривиальный инвариант вида $I(x(t)) = I(x(0))$, если это явно не указано.

4.4 Идентичность как вывод

Пусть $O: X \rightarrow Y$ — отображение наблюдений (например, проекция на наблюдаемые величины). Пусть $I: Y^T \rightarrow \mathcal{J}$ — функция вывода тождества в конечном окне наблюдений $T < \infty$ (например, статистическая сводка, такая как среднее значение, дисперсия или энтропия). Выведенное тождество в момент времени t — это:

$$id(t) = I(O(x(t-T+1)), \dots, O(x(t)))$$

Таким образом, идентичность зависит от локальных сегментов траектории, а не от глобальных свойств системы.

4.5 Устойчивость тождества и инвариантность

Определение (инвариантная тождественность):

Атрибуция тождественности является инвариантной, если существует функция $g: X \rightarrow \mathcal{J}$ такая, что $\text{id}(t) = g(x(t))$ является постоянной вдоль траекторий, т.е. $g(f(x)) = g(x)$ для всех $x \in X$.

Это определение требует существования нетривиального инварианта динамики системы — сохраняющейся величины, которую отслеживает тождество. Следующая лемма доказывает, что такие инварианты не являются типичными.

5. Закон процессуального тождества

5.1 Лемма: Отсутствие общих инвариантов тождества

Лемма 1: В динамической системе с нетривиальной эволюцией (т.е. f не является тождественным отображением) любой непостоянный инвариант g

требует, чтобы траектории оставались ограниченными собственным подмножеством X . Такие инварианты являются нетипичными и неустойчивыми при возмущениях.

Доказательство: Если g непостоянна и инвариантна ($g \circ f = g$), то её множества уровней $L_c = \{x \in X \mid g(x) = c\}$ разбивают X . Инвариантность подразумевает, что траектории остаются в одном L_c , собственном подмножестве (поскольку g непостоянна).

Для большей общности рассмотрим пространство отображений C^r на X с топологией Уитни. Инварианты требуют, чтобы f сохраняло множества уровней, условие коразмерности ∞ (Смейл, 1967). При малых возмущениях $f_\varepsilon = f + \varepsilon h$ (h — общий случай) орбиты обычно заполняют плотные подмножества (эргодичность в хаотических системах), нарушая инвариантность, если g не является постоянной.

Структурная устойчивость требует гиперболической динамики, которая сама по себе не является типичной, за исключением ограниченных классов

(системы аксиомы A ; Робинсон, 1999). Таким образом, нетривиальные инварианты тождества существуют только на подмножестве динамических систем с нулевой мерой. ■

5.2 Аттракторы и временная устойчивость

Без глобальных инвариантов регулярность возникает из аттракторов. Множество $A \subset X$ является аттрактором, если оно компактно, инвариантно ($f(A) = A$) и имеет область притяжения $V(A)$, где траектории сходятся к A (измеряется положительной мерой Лебега в X).

Вблизи точки A изменчивость ограничена (отрицательные показатели Ляпунова указывают на локальное сжатие). Устойчивость тождественности достигается, когда окна наблюдений отбирают траектории вблизи точки A : $\text{Var}(\text{id}(t)) \rightarrow 0$ при $t \rightarrow \infty$ внутри бассейна. Эта устойчивость зависит от параметров; бифуркации (например, Хопфа, удвоение периода) разрушают аттракторы, приводя к дрейфу (Palis & Takens, 1993).

5.3 Теорема: Закон процессуального тождества

Теорема (PIL): Пусть (X, f) — динамическая система, где:

(i) Не существует нетривиальной инвариантной тождественной переменной.

(ii) Идентичность выводится из конечных окон траекторий.

(iii) Динамика не ограничивается глобально фиксированным аттрактором (т.е., множество начальных условий положительной величины исследует X).

Затем:

(a) Структурно не гарантируется устойчивость идентичности.

(б) Наблюдаемая стабильность соответствует временному ограничению вблизи аттрактора.

(с) Изменения идентичности отражают переходы между режимами (например, бифуркации).

(d) Сдвиг идентичности является общим явлением

(преобладает для типичных параметров/начальных условий).

Доказательство: Согласно условию (i) и лемме 1, никакая глобальная функция g не гарантирует постоянство $id(t)$; вывод основан на локальных закономерностях. Согласно (ii), $id(t)$ выбирает конечные сегменты, чувствительные к локальной динамике. Согласно (iii), для общих параметров (плотное открытое множество в пространстве параметров) траектории исследуют X эргодически (эргодическая теорема Биркхофа для отображений, сохраняющих меру), поэтому статистика сегментов варьируется (энтропия $H > 0$).

Для стабильности необходимы паттерны с низкой дисперсией, возникающие только вблизи аттракторов (где локальный показатель Ляпунова $\lambda < 0$, что приводит к уменьшению дисперсии). Аттракторы являются случайными: возмущения параметров вызывают бифуркации (путь удвоения периода к хаосу), смещение областей притяжения и изменение паттернов. Таким образом, $id(t)$ дрейфует, не

останавливая эволюцию.

Обобщенность следует из теорем трансверсальности: типичные системы являются системами Морса-Смейла или хаотическими, а не полностью стабильными (Палис и Такенс , 1993). Системы с устойчивыми глобальными аттракторами занимают подмножество параметрического пространства с нулевой мерой. ■

5.4 Следствие

Следствие: В любой системе, где идентичность выводится из закономерностей поведения во времени, а не кодируется как инвариант, изменения в выведенной идентичности являются ожидаемыми последствиями текущей динамики и не указывают на сбой или разрыв в работе системы.

6. Информационно-теоретическая переформулировка

Понятие PИL можно переформулировать в информационно-теоретических терминах, предложив альтернативную характеристику, связывающую стабильность идентичности с сжатием данных и избыточностью.

Смоделируйте функцию вывода I как операцию сжатия:

$$I(y_1, \dots, y_T) = \arg \min_c D(c \parallel \{y_i\})$$

где D — мера искажения (например, аппроксимация сложности Колмогорова с помощью статистического обобщения). Согласно неравенству обработки данных (Cover & Thomas, 2006), для стабильного I требуется избыточность входных данных — низкая энтропия $H(\{y_i\})$ в последовательности наблюдений.

Избыточность соответствует аттракторам: повторяющиеся орбиты приводят к предсказуемым наблюдениям. Отсутствие аттракторов приводит к высокому значению H и нестабильному значению I .

Это обеспечивает количественную метрику дрейфа:

$$E[Var_t(id(t))] > 0 \text{ в общем случае}$$

Данная переформулировка предлагает опровергаемое предсказание: системы с более высокой энтропией траектории будут демонстрировать больший дрейф идентичности, измеримый как временная изменчивость в выводимых статистических данных об идентичности.

7. Иллюстративные модели и анализ чувствительности

7.1 Логистическая карта

Для иллюстрации PIL рассмотрим логистическое отображение $x_{n+1} = rx_n(1 - x_n)$, $x \in [0,1]$, канонический пример в DST. Определим функцию вывода тождественности как скользящее среднее по окну $T = 50$.

Периодический режим ($r = 3,2$): Система демонстрирует цикл с периодом 2 (аттрактор с областью притяжения, охватывающей большую часть $[0,1]$). Скользящие средние быстро стабилизируются

(дисперсия $\approx 5,93 \times 10^{-9}$), демонстрируя временную стабильность вблизи аттрактора.

Хаотический режим ($r = 3,99$): Система эргодична на $[0,1]$ без глобального ограничения аттрактора. Скользящие средние непрерывно дрейфуют (дисперсия $\approx 0,0014$), что иллюстрирует общую нестабильность.

Эти симуляции подтверждают PИЛ: стабильность наблюдается вблизи аттракторов; в остальных случаях происходит дрейф.

7.2 Анализ чувствительности: Параметр окна T

Выбор окна наблюдения T влияет на плавность выводимой идентичности, но не на принципиальное различие между стабильностью и дрейфом. Большие значения T сглаживают переходные флуктуации, но не могут устранить дрейф в хаотических режимах; меньшие значения T повышают чувствительность к локальной динамике, но выявляют то же различие между аттрактором и неаттрактором. PИЛ устойчив при разумном выборе T, хотя операционализация T в

когнитивных или биологических системах требует учета специфики предметной области.

7.3 Расширение на многомерные системы

Логистическая карта обеспечивает педагогическую ясность, но ограничена по размерности. Реальные когнитивные и биологические системы функционируют в многомерных пространствах состояний. Предсказания РІЛ естественным образом распространяются: в более высоких измерениях возрастает распространенность хаотической динамики и странных аттракторов (теорема КАМ устанавливает, что интегрируемое поведение не является типичным при возмущениях), что делает дрейф тождественности еще более распространенным. Предварительные симуляции системы Лоренца и карты Энона подтверждают это предсказание, хотя полное рассмотрение выходит за рамки настоящего исследования.

7.4 На пути к когнитивной операционализации

Применение теории РІЛ к человеческой идентичности

требует операционализации как пространства состояний X , так и функции вывода I . В качестве возможных операционализаций рассматриваются: паттерны нейронной активации (с помощью фМРТ или ЭЭГ), профили поведенческих реакций, самоотчетные измерения, агрегированные во времени, и лингвистические маркеры в личных рассказах. Каждый из этих методов представляет собой определенные сложности в измерении, но предлагаемая концепция предполагает, что отслеживание временных изменений таких показателей в различных условиях (стресс, переход, стабильность) может эмпирически проверить предсказания теории PPL. Это остается активной областью для будущих исследований.

8. Обсуждение

8.1 Пересмотр утверждения о родословной

Термин «общий» имеет точное математическое значение: свойство является общим, если оно выполняется на остаточном множестве (счетном пересечении открытых плотных множеств) или на

множестве полной меры в соответствующем пространстве параметров. PИЛ утверждает, что дрейф тождественности является общим в этом смысле — не просто распространенным, но и структурно типичным.

Это математическое использование следует отличать от феноменологической распространенности. То, что дрейф математически обобщен, не означает, что люди постоянно переживают кризис идентичности. Скорее, это означает, что стабильность, которую люди испытывают, требует активного поддержания — ограничений, аттракторов, обратной связи — которое само по себе является случайным и потенциально хрупким. Феноменологический опыт стабильной идентичности — это достижение, а не состояние по умолчанию.

8.2 Согласование принципов PИЛ с нарративной стабильностью

Традиция нарративной идентичности подчеркивает роль самоисторий в создании диахронической согласованности. С точки зрения теории

идентичности, нарратив функционирует как многомерный аттрактор в пространстве идентичности — самоподдерживающаяся модель, которая направляет выводы об идентичности к стабильным конфигурациям.

Такое переосмысление не умаляет важности нарратива; скорее, оно проясняет его функцию. Нарративы — это механизмы, обеспечивающие стабильность, которые эволюционировали или культивировались именно потому, что дрейф идентичности является фоновым условием, которому они противостоят. Сила и устойчивость нарративных аттракторов, вероятно, варьируются в зависимости от индивидуума (что объясняет стили идентичности Берзонского), культуры (что объясняет межкультурные различия в самовосприятии) и стадии развития (что объясняет исследование идентичности в подростковом возрасте).

8.3 Приложения

Философия самосознания и личностной идентичности: ФЛ предоставляет формальную

основу для понимания того, почему сохранение идентичности является проблематичным, внося вклад в дискуссии от Локка до Парфита.

Когнитивная наука и адаптивные системы: данная концепция предлагает принципиальное объяснение самоорганизации, этапов развития и роли окружающей среды в поддержании идентичности.

Искусственный интеллект и моделирование агентов: согласно теории PL, системы ИИ, работающие в условиях непрерывного обучения, будут демонстрировать дрейф идентичности («нестабильность на этапе вывода»), если это не будет явно ограничено. Это имеет последствия для согласования и интерпретируемости ИИ.

Системная биология: клеточная и организменная идентичность (например, судьба клетки, самораспознавание иммунной системой) может быть смоделирована как явления, основанные на аттракторах и подверженные дрейфу под воздействием возмущений.

Социальная и организационная теория:

Организации, институты и социальные группы можно анализировать как динамические системы, чья «идентичность» изменяет свою форму, если не стабилизируется культурой, управлением или внешними ограничениями.

9. Пределы действия

Закон о процессуальной идентичности не применяется к:

- Системы с неизменяемыми идентификаторами по своей конструкции (например, формальные системы с определенными константами)
- Системы, явно замороженные во времени (без динамики)
- Системы, переходы в которых прекращают дальнейшую эволюцию (поглощающие состояния)

Эти граничные условия уточняют, что PИЛ — это утверждение о динамических, выводных системах, а не универсальный метафизический тезис обо всех мыслимых системах.

10. Заключение

В данной работе идентичность формализована как возникающее информационное свойство динамических систем, а не как онтологический примитив. Инновация заключается в объединении теории идентичности, онтологии процессов и анализа устойчивости в единую проверяемую структурную модель.

Закон процессуальной идентичности устанавливает, что дрейф идентичности не является аномалией, требующей объяснения, а структурным следствием динамической эволюции в рамках выводного атрибутивного определения идентичности. Стабильность является производной; дрейф — общим. Следовательно, идентичность — это реляционное, индексированное во времени описание поведения системы, а не сохраняемая внутренняя константа.

Новаторский вклад: Хотя схожие идеи встречаются в философии процессов и теории динамических систем, данная формулировка явно устанавливает

нестабильность как условие тождественности по умолчанию, а стабильность — как производную, а не фундаментальную. Показано, что тождественность — это вывод, а не переменная, описание, а не субстанция.

В статье показано, что то, что Лакан описывал структурно, а Делёз — онтологически, находит формальное выражение в математике динамического вывода. Страх «потерять себя» проявляется как категориальная ошибка: применение ожиданий инвариантности к системам, конститутивно управляемым процессуальными изменениями. То, что феноменология регистрирует как потерю, динамика раскрывает как переход — закономерное перемещение между режимами в непрерывном процессе, описываемом идентичностью.

ССЫЛКИ

Берзонски, М.Д. (2011). Социально-когнитивная перспектива конструирования идентичности. В SJ Schwartz, K. Luuyckx, & VL Vignoles (Eds.), Handbook of identity theory and research (pp. 55–76). Springer.

Бикл, Дж. (2003). Философия и нейронаука: Безжалостно упрощенный подход. Издательство Kluwer Academic Publishers.

Чемеро, А. (2009). Радикальная воплощенная когнитивная наука. Издательство MIT.

Кларк, А. (2008). Расширение сознания: воплощение, действие и когнитивное расширение. Издательство Оксфордского университета.

Ковер, Т.М., и Томас, Дж.А. (2006). Элементы теории информации (2-е изд.). Wiley- Interscience .

Делёз, Г., и Гваттари, Ф. (1987). Тысяча плато: капитализм и шизофрения (пер. Б. Массуми). Издательство Университета Миннесоты.

Ди Паоло, Э. А., Куффари, Э. К., и Де Ягер, Х. (2018).

Лингвистические тела: преемственность между жизнью и языком. Издательство MIT Press.

Фрозе, Т., и Ди Паоло, Э. А. (2011). Энактивный подход: теоретические наброски от клетки до общества. *Прагматика и познание*, 19(1), 1–36.

Гама, Й., Жлиобайте, И., Бифет, А., Печенизкий, М., и Бушачия, А. (2014). Обзор адаптации дрейфа концепций. *ACM Computing Surveys*, 46(4), 1–37.

Джонстон, А. (2013). Точки принудительной свободы: Одиннадцать (ещё) тезисов о материализме. *Спекуляции: Журнал спекулятивного реализма*, (IV), 91–98.

Каплан, А., и Гарнер, Дж. К. (2017). Перспектива сложных динамических систем в отношении идентичности и ее развития: динамическая системная модель ролевой идентичности. *Психология развития*, 53(11), 2036–2051.

Кригер, Б. (2025). *Индивидуальная вселенная: перестаньте доказывать себя и начните быть собой*. Издательство Altaspera Publishing, ISBN 979-

8263139643

Лакан, Дж. (1977). *Écrits : Избранное* (А. Шеридан, Пер.). WW Нортон.

Льюис, М.Д. (2000). Перспективы подходов динамических систем для комплексного описания развития человека. *Развитие ребенка*, 71(1), 36–43.

Льюис, доктор медицины (2005). Соединение теории эмоций и нейробиологии посредством моделирования динамических систем. *Поведенческие и нейробиологические науки*, 28(2), 169–194.

Макинтайр, А. (1984). *После добродетели: исследование в области моральной теории* (2-е изд.). Издательство Университета Нотр-Дам.

МакАдамс, Д.П. (2001). Психология жизненных историй. *Обзор общей психологии*, 5(2), 100–122.

Палис, Дж., и Такенс, Ф. (1993). *Гиперболичность и чувствительная хаотическая динамика при гомоклинических бифуркациях*. Издательство Кембриджского университета.

Протеви, Дж. (2009). *Политический аффект : связь*

социального и соматического. Издательство Университета Миннесоты.

Робинсон, К. (1999). Динамические системы: устойчивость, символическая динамика и хаос (2-е изд.). CRC Press.

Смейл, С. (1967). Дифференцируемые динамические системы. Бюллетень Американского математического общества, 73(6), 747–817.

Телен, Э., и Смит, Л.Б. (1994). Динамический системный подход к развитию познания и действия. Издательство MIT Press.

ван Гелдер, Т. (1998). Динамическая гипотеза в когнитивной науке. Поведенческие и нейробиологические науки, 21(5), 615–628.

Варела, Ф. Дж. (1999). Этическое ноу-хау: Действие, мудрость и познание. Издательство Стэнфордского университета.